

Моргана
Редж

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Рыжая замоза
МАЙОРА ОРЛОВА

18+

Моргана Редж

Рыжая заноза майора Орлова

<https://litres.ru/74618867>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она - массажист в разводе. Пышная рыжая красавица, приехавшая отдыхать к бабуле.

Он - военный, холостой. Собрал друзей, чтоб отдохнуть и помочь деду по хозяйству.

Вместе они - бывшие одноклассники. Она для него селедка в бочке, он для нее - горный орел, а точнее напыщенный индюк.

И что может пойти не так? Особенно когда за их личную жизнь берется старая гвардия?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	9
Глава 3.	17
Глава 4.	25
Глава 5.	32
Глава 6.	37
Глава 7.	42
Глава 8.	49
Глава 9.	56
Глава 10.	63
Глава 11.	67
Глава 12.	72
Глава 13.	77
Глава 14.	82
Глава 15.	89
Г	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Моргана Редж Рыжая заноза майора Орлова

Глава 1.

Эх, давно я не была у бабушки в деревне!

С тех самых пор, как замуж вышла в городе. Так только вот... Пять лет прожили, но не сложилось ничего. Не судьба мне видимо семью иметь, детишек... Саша, бывший муж мой, говорил, что это потому, что я толстая. Вот и забеременеть не могу. Но я не толстая, а пышная. Подумаешь... Попа шикарная, грудь пятерочка. Все при мне как говорится. Живот не висит, хоть и мягкий, выпирает, да... Уж сколько я на этих диетах сидела, и в спортзал ходила. И к психологу даже. Мне сказали, что все в моей голове, что не позволяю я себе быть настоящей, от того и вес стоит на месте.

К черту все! Взяла отпуск на работе и поехала к бабуле. Стыдно мне, что столько не виделась. А я ж массажист в поликлинике, там запись за полгода, фиг вырвешься. И то, чтоб лишнюю копейчку заработать, и коллег подменяю, и лишние смены беру.

Бабуля моя, Аграфена Федоровна, накануне позвонила,

как чувствовала. Говорит, приезжай, плохо мне, помираю. Она, конечно, часто так говорит. Но совесть меня в конец загрызла, и решила, что все, надо. Не дай бог, что с бабулей случится, а меня нет рядом. Потом чувством вины замучаюсь, что не послушала, не поверила.

Сбегала в гипермаркет после звонка, накупила гостинцев всяких. Уж больно бабуля любила мармелад и зефир в шоколаде. Надеюсь, не растает в автобусе. Все же лето, жара.

Утром села в автобус, ехать три часа. Я даже подремать умудрилась. Глаза открыла аккурат перед въездом в поселок. Вышла на остановке, огляделась...

Да... Ничего не поменялось. Все детство я здесь провела. В школе здесь училась. Столько воспоминаний связано с поселком... И приятные, и не очень.

Автобус укатил дальше, я дождалась, когда пыль осядет, и пошла с пакетами по улице. Два километра до бабулиного дома. Вот и школа, в которой я училась. Даже ремонт фасада кто-то сделал, ничего себе!

Шла я по краю дороги. Тротуаров здесь не было никогда. А недавно дождь видно прошел. И я как раз пыталась лужу обойти с пакетами и сумкой в руках, в своем летнем брючном костюме, когда услышала сзади машину. Я не успела опомниться, даже шаг в сторону сделать не подумала, как огромный черный внедорожник пролетает прямо по этой луже... И в меня летит вся эта грязь!...

Я стояла, натурально обтекала, с головы до ног. Попало на

сумку с вещами, на пакеты, на волосы и лицо. Я хлопала глазами, пытаюсь согнать влагу с ресниц, рот открывался, как у рыбы без воды. Внутри... Я даже не знаю, что я чувствовала в тот момент. Возмущение, ярость, обида – смешалось все! Ну как? Как скажите, мне на милость, можно было не заметить меня? МЕНЯ? Не маленькую, хрупкую девочку!

Пока я осознавала произошедшее и больше переживала за гостинцы в пакете, чем за все остальное, я не увидела, что внедорожник остановился и из него вышел здоровый мужик в полевой военной форме.

- Женщина, с вами все в порядке? – бодрый и в то же время настороженный голос раздался рядом.

- А вы как думаете? – недовольно бросила я. – Вы вообще что ли на дорогу не смотрели? Как вообще... - я не смогла договорить, меня вдруг накрыло так, что я не сдержала слез и разрыдалась.

- Женщина, успокойтесь, пожалуйста, - мужик явно не любил женских слез, занервничал, засуетился.

- Да какая я вам женщина! Мне двадцать шесть всего! – всхлипнула я еще сильнее, в голос так, что сама не ожидала, и никак не могла остановить этот поток обидных горячих слез.

Я не смотрела на него вообще. Бросила пакет и сумку на сухую траву. Пыталась стереть слезы с лица, но видимо сделала еще хуже. Потому что вдруг ощутила, как горячая мужская рука убирает мои руки с лица, а затем аккуратно про-

тирает мое лицо влажными салфетками с запахом ромашки. У меня от такого жеста даже слезы кончились резко.

И тут я, наконец, посмотрела ему в лицо...

Да нет... Ну не может этого быть...

- Женя? – прошептала я, готовая разрыдаться еще сильнее. – Женя Орлов?

Возмужал. Стал еще красивее. Настоящий военный, красивый, здоровенный. Выше меня на голову. Шире в плечах раза в два. Мускулистый. Стрижка аккуратная, борода такая же ухоженная, короткая. И глаза серые, как штормовое небо.

И эти глаза смотрели на меня. Не узнал? Ну, конечно...

- Селёдка? Верка... Это правда ты? – и все же узнал.

Вспомнил, как звал меня селедкой, потому что худая была. В далеком школьном времени я правда была худой, доской считай. Но Орлову нравилось звать меня селедкой в бочке. Вера Бочкарева, селедка в бочке – никакой ведь разницы нет...

- Я, - хотела отвернуться, но он не дал, держал мое лицо в своих руках. Так близко, как не было никогда.

- Вер, прости, неудачная встреча вышла, - он отпустил меня, но ни на шаг не отошел, потер шею в задумчивости. – Вер, давай...

Не успел договорить, за спиной раздался сигнал. Я обернулась и увидела еще один внедорожник. Оттуда уже вылезли еще двое мужчин, таких же здоровых, как Орлов. Один в форме, другой в джинсах и футболке. Вылезли и шли к нам.

- Вы чего тут? – они пожали руки друг другу, и эти двое уставились на меня. – Здравствуйте, красавица! Уж не этот Орел вас так... - военный прошелся взглядом по мне, словно оценивал ущерб.

- Димыч, я разберусь, езжайте пока к деду, - Орлов прищурился и попытался закрыть меня собой.

Димыч только усмехнулся, глаза такие хитрые сразу стали. Второй мужчина жевал зубочистку и как-то странно смотрел на Орлова. Ой, вот еще я буду думать об этом...

Друзья Орлова, или кто они там, вернулись в машину, объехали внедорожник Орлова и скрылись из виду.

Орлов повернулся ко мне, взял мою сумку с пакетом и пошел к машине.

- Эээ, куда? – я даже сообразить толком не могла, что происходит, как будто мне мозги смыло дождевой водой из лужи.

- Довезу до дома, возмещу ущерб, - невозмутимо ответил Орлов. – Или ты забыла, что мы соседи? – он сощурился как-то хитро, словно задумал что-то.

А я и правда забыла. Вот вообще из головы вылетело! Это что же... Это как... Он мне тут с друзьями своими глаза мозолить будет? Ой, мамочки...

Глава 2.

Я сидела в кожаном кресле этого монстра на колесах и чувствовала себя нашкодившей кошкой, которую поймали за хвост. Грязь с меня, конечно, стерли, но ощущение, что я вся в этом дерьме... в прямом и переносном смысле, не проходило.

Орлов вел машину уверенно, одной рукой, второй переключая какие-то кнопки на панели. Я же старалась смотреть в окно, лишь бы не встречаться с ним взглядом. Молчание затягивалось. Мне хотелось провалиться сквозь сиденье и выпасть из этой машины куда-нибудь в кювет.

- Вер, - он нарушил тишину. Голос низкий, спокойный, прямо как у командира на плацу. – Я серьезно. Извини. Не увидел. Я обычно в городе не гоняю, а тут... задумался.

- Ага, задумался он, - буркнула я, все еще глядя в окно. – Думал, какую бы лужу побольше выбрать, чтоб ни одна следка не ушла?

Он хмыкнул. Хмыкнул! Я аж голову повернула. У него что, вообще совести нет?

- Ты серьезно смеешься? – я начала закипать. – Я тут вся в грязи, как болотная кикимора, гостинцы бабушке, может, испортились, а ты...

- Не испортились, - перебил он спокойно. – Я проверил. Мармелад цел, зефир в шоколаде тоже. Сумку я тебе новую

куплю, или деньгами отдам.

- Да не нужны мне твои деньги! – фыркнула я. – Мне нужна была нормальная встреча с родным поселком, а не...

- А что? – он вдруг повернул голову и посмотрел на меня с таким прищуром, что я осеклась. – Встреча с одноклассником – это тоже часть встречи с поселком.

- Ты, между прочим, меня селедкой обозвал, - напомнила я.

- Ну так ты и была худой, как селедка, - парировал он. – А сейчас...

Он замолчал, и я почувствовала на себе его взгляд. Короткий, но такой тяжелый, что захотелось прикрыться руками. Орлов перевел взгляд обратно на дорогу, но в салоне повисла какая-то странная, густая тишина.

- Сейчас что? – тихо спросила я, сама не зная, зачем.

- Сейчас ты на селедку вообще не похожа, - сказал он как-то хрипло и тихо. Голос его при этом слегка изменился, стал чуть ниже. – Так, есть хочешь?

Я опешила от такой смены темы.

- Что?

- Спрашиваю, голодная небось с дороги? – он говорил буднично, но краешек его губ дрогнул. – Мы у деда мясо на огне собираемся жарить, если хочешь...

- Мне домой надо, - отрезала я. – К бабушке.

- Ладно, - просто ответил он.

Дальше ехали молча. Я крутила в голове его слова: «на се-

ледку не похожа». Это что, комплимент был? Или он так хотел сказать, что я расплылась, как колобок? Нет, тон был... не издевательским. Дразнящим скорее. Как в школе, когда он все время дразнил меня «селедкой», но при этом... защищал от мальчишек, если кто-то пытался обидеть.

Я покосилась на него. Профиль острый, скулы жесткие, челюсть волевая. Форма сидела на нем так, будто он в ней родился. И эта борода... Раньше он был просто мальчишка, с вечно растрепанными волосами. Сейчас – мужчина. Настоящий. От него пахло... мужским, от чего внутри все переворачивалось.

Тьфу, Вера, соберись! Это же твой бывший одноклассник! Горный орел, который всегда был в центре внимания, пока ты сидела и читала книжки под партой, чтобы тебя не вызвали к доске.

Машина плавно затормозила у знакомой калитки. Я выдохнула с облегчением. Родной бабушкин дом с синими ставнями, с резным крыльцом, с палисадником, полным георгинов – вот оно, спасение.

Орлов вышел первым, открыл мне дверь, подал руку. Я проигнорировала его ладонь и выбралась сама, стараясь не смотреть на него. Он подхватил мою сумку и пакет, поставил у калитки.

- Может, помочь? – спросил он, кивая на дом.
- Справлюсь, - процедила я.
- Упрямая, - констатировал он и вдруг шагнул ближе. –

Вера...

Я замерла, чувствуя его близость. Сердце забилося где-то в горле. Он смотрел сверху вниз, и я видела, как его глаза темнеют, становятся почти черными.

- Если что-то понадобится – я в соседнем доме, - сказал он тихо. – Если что, зови. Я услышу. И... приходи.

- С чего это вдруг такая забота? – выдавила я, стараясь говорить колко.

- С того, - он усмехнулся, и вдруг наклонился почти к самому моему уху. – Мы не виделись десять лет. А мне есть, что тебе сказать.

И прежде чем я успела сообразить, он развернулся, сел в машину и заехал в соседний двор. Я стояла, как вкопанная, глядя, как черный внедорожник исчезает за углом дома деда Орлова. Сказать? Что сказать? О чем?

Я тряхнула головой. Хватит! Хватит думать об этом индюке! Он как был в школе напыщенным, так и остался. Но почему внутри все трепещет, как осиновый лист?

Взяв себя в руки, я толкнула калитку и вошла во двор. В нос ударил запах пионов, укропа и... пирогов? Бабуля жива-здоровая, если пироги печет!

Я поднялась на крыльцо, и не успела постучать, как дверь распахнулась. Передо мной стояла бабушка Аграфена Федоровна. Невысокая, кругленькая, с седыми кудряшками и лукавыми глазами. И вид у нее был такой бодрый, что никак не тянуло на «помираю».

- Верочка! Внушенька моя! – она сгребла меня в объятия, не обращая никакого внимания на то, что я в грязном костюме. – А я уж заждалась, волнуюсь! Проходи, проходи, раздевайся, на стол подаю!

- Бабуль, ты чего это? – я улыбнулась, чувствуя, как на душе теплеет. – Ты же говорила, что тебе плохо.

- А, было, - отмахнулась она, помогая мне снять костюм. – Дед Тимофей настойку принес, я приняла, и как рукой сняло! Ты не переживай, все хорошо! Ой, а это чего такое? Ты что, в грязи вывалялась?

- Орлов... - буркнула я. – Женька из лужи окатил. Сосед наш.

- Ой, Женечка-то приехал? – бабуля вдруг засияла, как новогодняя елка. – А я слышала, вон машины гудели, а теперь вижу, и к Тимофею заехали. Так он с друзьями приехал. Молодцы, помогают деду. А ты, говорит, окатил? Ну это он не со зла, он у нас хороший мальчик. Всегда вежливый, если зайдет. Помогает нам, дров наколет, крышу починит.

- Бабуль, он меня селедкой называл, - пожаловалась я, проходя в кухню.

За столом, к моему ужасу, сидел дед Тимофей – сосед и дед Орлова. Высокий, сухопарый, с седыми усами и лукавыми глазами, точь-в-точь как у внука. Он поднялся, шаркнул ногой и подмигнул мне:

- Верочка, красавица! А я и не ждал, что ты приедешь. Все хорошеешь! На селедку уже и не похожа, – он хитро стрель-

нул глазом. – Слышал, внук мой тебя в луже искупал. Так это он к тебе присматривался, я его знаю.

- Тимофей, не смущай девочку! – шикнула на него бабуля.
– Иди уже, внуки заждались, небось мясо пережгут.

Дед Тимофей еще раз подмигнул мне, хмыкнул в усы и, попрощавшись, ушел. Я выдохнула. Слава богу.

Бабуля суетилась у стола, раскладывая тарелки со щами, пирожками, компотом.

- Садись, поешь, Верочка, - приговаривала она. – С дороги-то сил нет. А то худая больно стала.

- Бабуль, я не худая, - вздохнула я.

- Конечно не худая, - согласилась она, но глаза ее хитро блестели. – В самый раз, кровь с молоком. У нас вон какие красавцы приехали, соседские. Женечка-то, а с ним еще двое военных, один такой видный, а второй... ну тоже ничего. Глаза горят, ровно соколы. Ты, Верка, присмотрись. Вон какие парни! Холостые, говорят, все. Дед Тимофей рассказывал. А ты у меня свободная, красивая. Может, и судьба твоя здесь?

- Бабуля! – я чуть не поперхнулась компотом. – Я вообще-то в отпуск приехала отдохнуть, а не мужиков искать!

- А я что? Я ничего, - бабуля сделала невинное лицо. – Я просто к слову. Ешь давай.

Я молча уткнулась в тарелку, но бабушкины слова засели в голове. Орлов... его друзья... «есть, что тебе сказать». Сердце опять забилося быстрее.

С улицы донеслись голоса. Громкие, мужские. Смех. Звякнула посуда. Я невольно подняла голову и выглянула в окно. В соседнем дворе горел костер, вокруг него стояли трое мужчин. Орлов что-то говорил, размахивая шампуром. Друзья его слушали, а потом оба обернулись в сторону нашего дома. И расхохотались.

Я резко отвернулась. Боже, как же они там обсуждают меня? Селедку мокрую, которую Орлов притащил, всю в грязи?

- Бабуль, - спросила я, стараясь говорить спокойно. - А что они там вообще делают?

- Да дед Тимофей просил помочь, - пожала плечами бабуля. - Крышу перекрыть, дров наколоть, забор поправить. Ну и отдыхают заодно. Компания, видишь, какая.

Бабуля вдруг подошла к окну и встала рядом со мной.

- Глянь, Верка, вон Женечка-то как на наш дом поглядывает, - она усмехнулась. - Может, соскучился?

Я тоже посмотрела. Орлов стоял, опершись рукой на забор, и смотрел в наше окно. Прямо на меня. В упор.

Я дернулась, как ошпаренная, и спряталась за занавеску. Сердце колотилось, как бешеное.

- Бабуля, ты чего несешь? - прошипела я.

- А ничего, - она пошла к печи, напевая что-то под нос. - Вот увидишь, девочка моя, не зря ты сюда приехала. Не зря...

Я стояла у окна, прячась за тюлем, и чувствовала, как его взгляд буквально прожигает занавеску насквозь.

Что-то подсказывало мне, что этот отдых будет еще тем еще приключением. И что горный орел, он же напыщенный индюк, не оставит меня в покое. Даже если я очень попрошу.

В соседнем дворе снова раздался смех – громкий, мужской, заразительный. Я зажмурилась.

Господи, ну зачем меня сюда принесло?

Глава 3.

Женя

Я, Евгений Орлов, майор, командир разведроты, человек, прошедший через горячие точки и не раз смотревший смерти в глаза, стоял посреди дедова двора и чувствовал себя полным идиотом.

Ну как? Как я мог не узнать её? Хотя... десять лет – срок немалый. Но эти глаза... синие-пресиние, как васильки в поле, – они остались прежними. А всё остальное... изменилось до неузнаваемости. Та худющая, вечно растрепанная девчонка, которая пряталась за партой с книжкой, исчезла. Вместо неё передо мной стояла... женщина. Пышная, огненная, с волосами цвета меди и фигурой, от которой дыхание перехватывало.

Я тогда на секунду даже забыл, как дышать, когда она на меня взглянула. И эти слёзы... Боже, эти слёзы! Я готов был провалиться сквозь землю. Я, мать его, военный, сражался с боевиками, а тут женщина плачет, и я теряюсь. Сам не знаю, зачем достал эти салфетки из аптечки, которые всегда возил с собой, и начал вытирать её лицо. Пахло ромашкой, и от этого запаха у меня в груди что-то сжалось.

Она такая тёплая, мягкая... Я почувствовал, как мои пальцы буквально прикипели к её щекам. И когда она произнесла моё имя – «Женя?» – меня словно током ударило.

Голос дрожит, губы приоткрыты... А я стою и думаю: «Господи, как же я мог её забыть?»

Но я же был идиотом в школе. Звал её селёдкой, дразнил. Не потому что обидеть хотел – просто она была единственной, кто не бегал за мной с глупыми глазками. Она игнорировала меня, читала свои книжки, а я... я искал любой способ обратить на себя её внимание. И дразнил. Глупо, по-детски. Но тогда мне казалось, что это работает.

А теперь она стоит передо мной, вся в грязи, мокрая, но такая живая, настоящая – и я понимаю, что эти десять лет я где-то внутри ждал этой встречи. Знал бы, что она придет, подготовился бы.

Мои размышления прервал голос деда Тимофея, который уже вышел на крыльцо и махал мне рукой.

– Женья! Ты чего там встал, как памятник? Мясо стынет! Иди сюда, Димыч с Серёгой уже костёр разожгли!

Я тряхнул головой, прогоняя наваждение. Вера уже скрылась в доме, и я видел, как зажглась лампа в её комнате – в той самой, где она жила в детстве. Сердце ёкнуло, но я взял себя в руки.

– Иду, дед!

Я присоединился к друзьям. Димыч уже крутил шампуры с мясом, Серёга разливал по кружкам холодный квас.

– Ну что, Орёл, - Димыч хитро прищурился, - рассказывай, кого это ты в луже искупал? Красотка знатная. Я таких за версту чую.

Я налил себе кваса, сделал глоток. Вкус был терпкий, домашний. Но внутри всё ещё кипело от встречи.

– Это Вера, - сказал я как можно равнодушнее. - Одноклассница. Соседка. Мы в школе вместе учились.

– Вместе учились? – Серёга, который всегда отличался сообразительностью, аж зубочистку вытащил изо рта. – И ты её не узнал? Она же... она же... - он на секунду замялся, подбирая слова, но Димыч его перебил.

– Она – конфетка, а не одноклассница! – заявил Димыч. – Я бы такую с руками оторвал. Женя, ты что, ослеп на службе? Она же вон какая... огонь!

Я сжал кружку так, что она чуть не хрустнула.

– Заткнись, Димыч, - буркнул я. – Она не твоего поля ягоды.

– Ой, да ладно? – Димыч расхохотался. – Я смотрю, ты уже начал права качать. А что, если я решу познакомиться? Я свободен, она наверняка тоже... Чего терять-то?

Я метнул на него такой взгляд, что он присвистнул.

– Всё, всё, понял, - поднял он руки. – Это зона, командир. Не лезу.

Серёга усмехнулся, достал новую зубочистку.

– Жень, ты её в школе любил, что ли? – спросил он в лоб.

Я чуть не поперхнулся квасом.

– С чего ты взял?

– Да по глазам видно, - пожал плечами Серёга. – Ты на её дом пялишься уже десять минут. И когда вы к дому подъе-

хали, ты ещё там с ней стоял, как приклеенный. Я тебя знаю, ты так только на карту смотришь перед боем.

Димыч заржал, хлопнув себя по колену.

– Точно! Женек, ты чего? Признавайся, влюбился в одноклассницу? А как же наши походы по девкам? А как же твой принцип «семья – это враг боевого духа»?

Я промолчал, перевернул шампур на костре. Мясо шипело, пахло дымком и пряностями. Дед Тимофей принёс ещё свежих помидоров и огурцов, нарезал их на деревянную доску.

– Ребята, вы это, - вмешался дед, подмигнув мне. – Внука не смущайте. Пусть сам разберётся. А девка хорошая, добрая, работающая. Массажист, между прочим. Представляешь, Женька? Так что шевели булками, а то упустишь.

Я чуть не выронил шампур.

– Дед! – возмутился я. – Ты-то откуда знаешь?

– Груня сказала, - дед пожал плечами. – Мы с ней всегда новости обсуждаем. Ты, внучок, у меня в доме вырос, но без женского внимания, как дерево без солнца, зачахнешь.

Димыч и Серёга уже хохотали в голос, я же чувствовал, что краснею. Я, боевой офицер, краснею! Как школьник на выпускном.

– Ладно, хватит, - рявкнул я, но без злобы. – Давайте лучше про службу. Помните, как мы чуть не сгорели, когда Серёга решил шашлык в блиндаже жарить?

И мы начали вспоминать. Пошли байки: как Димыч про-

спал наряд, как Серёга чуть не взорвал склад из-за сигареты, как я однажды на учениях потерял карту и три часа водил роту по лесу, делая вид, что ищу удобную позицию. Мы смеялись до колик. Дед подливал нам квас, а я всё равно краем глаза поглядывал на дом Веры.

В её окне горел свет. Она была там. Я видел силуэт, который иногда проходил мимо – вот она подошла к окну, задержалась на мгновение, и мне показалось, что она смотрит в мою сторону. Я застыл с кружкой в руке. Но тут Димыч толкнул меня в бок.

– Ой, командир, слюни-то подбери! – он снова расхохотался. – Ты как тот пёс на сосиску. Давай, если она тебе так нравится, подойди, поухаживай. Ты же у нас мачо, герой. Только не говори, что боишься.

– Я не боюсь, – отрезал я. – Просто... время не то.

– А когда то? – Серёга поднял бровь. – Мы тут до конца недели. А потом снова на базу. Если не сейчас, то когда? Или ты предпочитаешь, чтоб Димыч за неё взялся?

Я посмотрел на Димыча. Тот нарочито расправил плечи, подмигнул в сторону Веры.

– Женек, я серьёзно. Если ты трусишь, я приударю за ней. Девка – огонь. И мне кажется, ей нужен мужчина, а не тот, кто по лужам катается.

Я встал. Косточки хрустнули, кулаки сжались. Я знал, что Димыч просто дразнит меня, но внутри закипело.

– Только попробуй, – сказал я тихо, и в голосе моём было

столько стали, что даже Димыч перестал ухмыляться. – Это моё дело.

– Ну вот и действуй, – сказал Серёга миролюбиво. – Мы только за. Да и дед твой небось хочет правнуков.

Дед Тимофей, который делал вид, что не слушает, громко прочистил горло.

– Жень, а ты знаешь, что комната Аграфены с противоположной стороны, а Веркина – с нашей, прямо у забора? Там окно низкое, я как-то ночью шпингалет там сломал, так до сих пор не починил. Груня в курсе, но старуха глуховата, если тихо подойти – не услышит.

Я уставился на деда. Он что, предлагает мне...?

– Дед, ты чего? – прошептал я.

– А я ничего, – дед пожал плечами. – Просто говорю, что если захочешь девушке цветы подарить или конфеты, можно через окно. Чтоб не ходить в парадную дверь и не будить бабу. А то они, женщины, любят лишние вопросы задавать. Тебе же на пользу.

Димыч чуть не упал со скамейки от смеха. Серёга закрыл лицо руками, но я видел, как трясутся его плечи.

Я посмотрел на окно Веры. Свет в нём погас. Она легла спать? Или просто задёрнула шторы? Ночь была тёплая, лунная. В кустах стрекотали сверчки.

Внутри меня боролись две силы: моя гордость, которая кричала, что я не собираюсь лезть через окно, как подросток, и что-то другое, более сильное, что тянуло меня туда, к ней.

Там, за тонкой стеной, спала та самая девчонка, которую я дразнил в школе. Но теперь она была женщиной, которая выжгла у меня в душе все старые замки.

Я допил квас, поставил кружку.

– Так, мужики, – сказал я твёрдо. – Мясо дожаривайте без меня. Мне надо... подумать.

– Ой, да иди уже, – махнул рукой Димыч. – А мы тут пока всё сожрём.

Я направился к забору, обогнул его, подошёл к стене дома Веры. Там и правда было низкое окно. Шпингалет я проверил – он болтался. Дед не соврал.

Я постоял минутку, прислушиваясь. В доме тихо. Только где-то кукушка кукует. В окне темно. Я мог бы просто развернуться и уйти. Но я подумал о её глазах, о том, как она смотрела на меня, о дрожи в её голосе. И я принял решение.

Тихонько приоткрыл окно. Деревянная рама подалась без скрипа – дед смазывал петли, знал, что делает.

Я залез внутрь, бесшумно, как в тылу врага. Остановился, давая глазам привыкнуть к темноте. Комната пахла цветами и чем-то сладким – наверное, теми зефирками, которые она везла бабушке. В углу стояла кровать, и на ней под одеялом лежала она. Вера.

Я замер, боясь дышать. Что я тут делаю? Какой я идиот! Но отступить было уже поздно. Сердце колотилось так, что, казалось, разбудит всю деревню.

Вера вдруг пошевелилась, перевернулась на бок, и лун-

ный свет упал на её лицо. Ресницы трепетали, губы были приоткрыты. Она спала, и выглядела такой беззащитной, что у меня в груди всё сжалось.

Я шагнул ближе, наклонился. До её лица оставалось сантиметров двадцать. И в этот момент она открыла глаза...

Глава 4.

Женя

Вера открыла глаза, синие, огромные, и в них – испуг и удивление.

– Женя? – прошептала она. – Ты... что ты тут делаешь?

Я не успел ответить. Потому что в следующий миг она вскрикнула, но тут же зажала рот ладонью, глядя на меня с таким выражением, что я понял: меня сейчас убьют. Или, что хуже, выгонят вон.

Я сделал шаг назад, наткнулся на стул и чуть не упал.

– Вера, я... - начал я, но она уже села на кровати, прижимая к себе одеяло.

– Ты что, совсем с ума сошёл? – зашипела она. – Моя бабушка в соседней комнате! Она тебя убьёт! И дед твой тоже!

– Ш-ш-ш, - приложил я палец к губам. – Всё хорошо. Я тихо.

– Хорошо? – она чуть не задохнулась от возмущения. – Ты проник в мою комнату ночью! Это как, по-твоему, хорошо?

– Я просто хотел поговорить, – выдавил я, чувствуя себя последним идиотом. – Не придумал другого способа.

Она смотрела на меня, глаза сверкали в темноте. И вдруг уголки её губ дрогнули. Она закусил губу, пытаясь сдержать улыбку.

– Идиот, – выдохнула она.

Я стоял посреди её спальни, чувствуя себя нашкодившим мальчишкой, которого поймали за руку с украденным яблоком. Она смотрела на меня со своей кровати, и в её глазах смешались гнев, удивление и... какая-то искорка, которую я боялся назвать интересом.

– Я знаю, - честно признался я. – Я и сам это понял, когда уже влезал.

– И зачем? – она не сводила с меня глаз. – Чтобы сказать мне, какой я толстый колобок? Или снова облить грязью?

– Вера, – я подошёл ближе, но она выставила руку вперёд, останавливая меня.

– Стой там. Я не одета.

Я замер, но в темноте я видел, что на ней что-то вроде длинной футболки или ночной рубашки. И лунный свет играл в их медных прядях. У меня дыхание перехватило. Она была потрясающей. Не просто красивой – потрясающей. Вся эта пышность, мягкость, и при этом – огонь в глазах.

– Я пришёл извиниться, – выдавил я. – За лужу. И за то, что в школе... ну, ты помнишь.

– Извиниться? – она приподняла бровь, и в голосе зазвучали насмешливые нотки. – Ты выбрал для этого окно в два часа ночи? А как насчёт дверного звонка завтра утром?

– Я не хотел ждать, – сказал я, и сам удивился тому, как это прозвучало. Слишком честно. – Я увидел тебя сегодня, и... не смог уснуть. Понял, что если не приду, то пожалею.

Она моргнула. На секунду в комнате повисла тишина,

слышно было только, как сверчок за окном выводит свою бесконечную песню.

– Ты чего, выпил там с друзьями? – спросила она с подозрением.

– Квас, – усмехнулся я. – И шашлык. Ни грамма спиртного. Я трезв как стёклышко.

Она фыркнула, но в этом звуке не было злости.

– Женя Орлов, – покачала она головой. – Ты даже не изменился. Такой же наглый и самовлюбленный. Помню, ты в школе всех девчонок с ума сводил, а мне проходу не давал. «Селёдка», «бочка», – и это, по-твоему, комплименты?

Я шагнул вперёд, и она не остановила меня. Я сел на край кровати – она дернулась, но не отодвинулась.

– Вера, – я смотрел ей в глаза. – Я был дураком. Настоящим. Я дразнил тебя, потому что... боялся, что ты заметишь, как я на тебя смотрю.

Она замерла. Её губы чуть приоткрылись.

– Что?

– Ты была единственной, кто меня игнорировал, – продолжал я, чувствуя, как слова сами льются, как будто я ждал этого момента десять лет. – Все девчонки вешались на меня, а ты сидела за партой с книжками, и на меня даже не смотрела. А я хотел, чтобы ты посмотрела. Чтобы ты заметила меня. И я думал, что если буду дразнить, то ты хотя бы злиться на меня будешь. Но ты просто уходила. И меня это бесило.

Она молчала, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

Я видел, как она дышит – часто-часто, и грудь под тканью рубашки вздымается.

– Так вот почему... – прошептала она.

– Почему? – переспросил я.

Она не успела ответить. За стеной что-то грохнуло, и мы оба вздрогнули. Послышался кашель, а затем шаркающие шаги. Бабушка! Она встала!

Я вскочил с кровати, как ошпаренный. Вера тоже подскокила, схватила меня за руку.

– Прячься! – зашипела она.

– Куда?!

– Под кровать! Быстро!

Я никогда в жизни не прятался под кроватью. Я майор разведки! Но сейчас я нырнул под её кровать, как новобранец в укрытие. Сверху я услышал, как Вера снова легла, натянула одеяло и притворилась спящей.

Дверь скрипнула. В щель между полом и кроватью я видел только чьи-то ноги в тапочках и край ночной рубашки. Аграфена Федоровна постояла на пороге, потом прошла куда-то в сторону, видимо, к туалету. Я затаил дыхание. Вера тоже не шевелилась.

Прошла минута, другая. Бабушка прошла обратно, и дверь закрылась. Тишина.

Я вылез из-под кровати, отряхиваясь. Вера сидела на кровати, глядя на меня, и вдруг она начала тихо смеяться. Заливисто, по-детски, и я не выдержал – тоже улыбнулся.

– Господи, Жень, – прошептала она. – Ты сейчас под кроватью лежал. Ты?

– Ты бы видела своё лицо, – ответил я. – Испугалась до смерти.

– Не до смерти, – она вытерла слёзы смеха, которые выступили на глазах. – Но бабушка бы точно нас застучала. И тогда бы нам обоим влетело.

Я опустился на стул рядом. Теперь мы были на одной волне, напряжение спало.

– Вера, я серьёзно, – сказал я. – Я хочу загладить вину. За все годы. Давай завтра... ну, не знаю. Может, прогуляемся? Посёлок у нас красивый, речка рядом. Я покажу тебе место, где мы с пацанами в детстве купались.

Она наклонила голову, рассматривая меня, как какую-то диковинку.

– Орлов, ты что, ухаживать за мной собрался?

– А если да? – я не отводил взгляда.

Она смутилась – я видел, как краска прилила к её щекам даже в лунном свете.

– Жень, мы с тобой десять лет не виделись, – тихо сказала она. – Ты меня сегодня в грязи вывалял, а теперь лезешь через окно. У нас даже разговора нормального не было.

– Будет, – пообещал я. – Всё будет. Завтра. Я приду утром – в дверь. И позвоню. Как полагается.

Она посмотрела на меня, и в её глазах мелькнула такая же смесь удивления и чего-то тёплого, что я почувствовал, как

внутри разливается странное тепло.

– Ладно, – сказала она наконец. – Завтра так завтра. Но если ты опять меня обольёшь, я тебя этим стулом ударю.

– Договорились, – я улыбнулся и встал. – Тогда я уйду. Пока... пока всё тихо.

Я направился к окну, но на полпути остановился. Повернулся к ней.

– Вера.

– Что?

Я хотел сказать ей что-то важное – о том, как она мне нравилась в школе, о том, что я думал о ней все эти годы, о том, что встреча с ней стала для меня лучшим событием после всех горячих точек. Но слова застряли в горле.

Вместо этого я просто сказал:

– Спокойной ночи.

Она улыбнулась – такой мягкой, почти робкой улыбкой.

– И тебе, – ответила она. – Только постарайся не перебудить всю деревню на обратном пути.

Я залез на подоконник, но перед тем, как спрыгнуть, обернулся.

– Знаешь, ты не селёдка, – сказал я. – Ты вообще не селёдка. Ты –... – я запнулся, подбирая слово. – Ты – как огонь. Костер, который греет. И я, кажется, всю жизнь шёл на этот свет.

Она открыла рот, но я уже спрыгнул вниз и бесшумно прикрыл окно за собой.

Я стоял в темноте, прислушиваясь. В ее комнате было тихо. Но мне казалось, что я слышу ее дыхание, сердцебиение. Или это мое сердце колотилось так, что готово было выпрыгнуть из груди?

Друзья уже разошлись, костер потушен. Дед, видимо, тоже ушел спать. Я остановился, глядя на темные окна Веры.

Она согласилась. Завтра я приду к ней. Как мужчина. В дверь. Начну всё заново.

Но внутри меня уже зарождалась мысль: а что, если это не просто встреча? Что, если это – судьба? Та самая, в которую я не верил никогда. Вера. Моя Вера.

Я усмехнулся сам себе. Каким же идиотом я был в школе! И каким идиотом остаюсь сейчас. Но как же хорошо быть идиотом, когда рядом оказывается она.

В доме у Аграфены зажёгся свет в кухне. Я замер, но там просто включили лампу, и через минуту выключили. Всё спокойно.

Я вошёл в дом и лег на диван. Спать не хотелось. Я лежал с открытыми глазами и улыбался в потолок.

А в голове крутилась одна мысль: что она там, думает обо мне? Смеётся? Злится? Или, может быть, тоже не может уснуть, глядя в потолок?

Сердце сжалось сладко и больно. Я закрыл глаза, но улыбка не сходила с моего лица.

Глава 5.

Я лежала в кровати и смотрела в потолок, на котором лунный свет рисовал причудливые узоры. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле, и я не могла понять: это от страха, что нас могли застукать, или от того, что Женя Орлов сидел на краю моей кровати и говорил такие вещи, от которых внутри всё переворачивалось.

«Я дразнил тебя, потому что боялся, что ты заметишь, как я на тебя смотрю».

Нет. Ну нет! Это же Орлов! Тот самый напыщенный индюк, который в школе считал себя центром вселенной, которого обожала половина класса, а вторая половина завидовала. Он был капитаном футбольной команды, отличником, красавчиком – и вдруг он боялся, что я, тихая серая мышка, его не замечаю? Бред какой-то!

Я перевернулась на бок, сжав подушку в объятиях. Но перед глазами всё стояла его фигура, склонившаяся надо мной в темноте, и его глаза – такие серьёзные, почти умоляющие. И голос... низкий, хрипловатый, от которого по спине бежали мурашки.

«Ты – как огонь. Костер, который греет. И я, кажется, всю жизнь шёл на этот свет».

Господи, кто это говорит? Он что, стихи учил наизусть перед службой? Или это всё – часть какой-то игры? Может,

друзья его поспорили, что он сможет охмурить толстую соседку? Или он просто решил развлечься в деревне?

Я закусила губу. В груди разрастался горький комок. Вспомнились слова Саши, бывшего мужа. «Ты толстая, Вера. Ты никому не нужна с таким весом. Вон, твоя подруга Ленка – стройная, красивая, а ты как колобок. Как ты детей родишь? У тебя гормоны, наверное, всё сбито». Я тогда верила, плакала ночами, пыталась худеть. И всё зря. А потом он ушёл к Ленке. И Ленка была... да, стройная. И красивая.

А Женя Орлов говорит мне такое – и я должна поверить? Легко ему говорить, пока я тут в футболке и без макияжа, растрёпанная, сонная. Утром-то он посмотрит на меня при свете дня – и увидит все мои недостатки. Увидит, что я не та стройная девочка из школы, а тётя с боками.

Я закрыла глаза и попыталась прогнать мысли. Но в голове всплыла ещё одна деталь: он прятался под моей кроватью. **ВОЕННЫЙ**. В пыли. Ради того, чтобы не скомпрометировать меня перед бабушкой. Это не укладывалось в образ холодного, самоуверенного мачо.

Может быть... может быть, я ошибаюсь? Может быть, он искренен?

Вспомнила его слова: «Я хочу загладить вину. За все годы». Десять лет. Десять лет мы не виделись, и вдруг он появляется и говорит, что сожалеет о том, что был дураком. Слишком красиво, чтобы быть правдой. Жизнь меня научила не верить красивым словам.

Но как же хотелось верить! Как же хотелось, чтобы кто-то – именно он, Орлов, – посмотрел на меня и увидел не «пышку» или «колобка», а просто женщину. Женщину, которая тоже хочет быть любимой, желанной, нужной.

Я вздохнула и перевернулась на другой бок. Сна не было ни в одном глазу. В комнате пахло цветами – бабушкины георгины за окном, и этот запах смешивался с ароматом деревенской ночи. Где-то за стеной кашлянула бабуля, и я замерла. Не проснулась ли она? Нет, тихо.

А Женя Орлов уже, наверное, сидит у деда и ухмыляется, рассказывая друзьям, как испугал меня. Или, может, действительно переживает? Нет, Орлов не переживает. Он всегда был уверен в себе, всегда знал, чего хочет. А сейчас он, судя по всему, хочет... меня. От этой мысли по телу пробежала горячая волна.

Я зажмурилась. Спать! Надо спать! Утром у меня намечается свидание, если он, конечно, не передумает. Или если он вообще не разыгрывал меня.

Не знаю, сколько я ворочалась, но в итоге провалилась в тревожный сон, полный обрывков: лужа, грязь, его руки, вытирающие моё лицо, его глаза, его голос. А потом вдруг – голос Саши: «Ты никому не нужна». И я просыпалась, но снова засыпала.

Утро наступило неожиданно. Солнце било в окно, за окном орали петухи, и пахло свежими пирожками. Я открыла глаза, чувствуя себя разбитой. Чёрт, я почти не спала.

– Верочка, вставай! – раздался голос бабули из-за двери.
– Завтрак на столе, а то остынет!

– Иду-иду, – пробормотала я, садясь на кровати.

В зеркале на комоде отразилась растрёпанная, сонная тётка с синяками под глазами. Чудесно! Просто идеальный вид для возможной встречи с Орловым. Я быстро умылась, расчесала волосы и надела простой сарафан – лёгкий, цветочный. Всё равно я не собираюсь наряжаться специально для него. Мне же всего лишь прогуляться.

Завтрак был, как всегда у бабули, царским: оладьи со сметаной, творог, варенье, чай с мятой. Я сидела за столом, пытаюсь есть, но кусок в горло не лез. Бабуля сидела напротив и смотрела на меня с таким хитрым прищуром, что я сразу всё поняла.

– Верка, а правду говорят, что вчера Женечка к тебе заходил? – спросила она невинным тоном, размешивая сахар в чае.

Я поперхнулась чаем.

– Бабуль, что за ерунда? – выдавила я. – С чего ты взяла?

– А я ночью вставала в туалет, – хитро улыбнулась она. – Смотрю – а у тебя окно приоткрыто. И кто-то в твоей комнате шепчется. Я подумала, что приснилось, но утром проверила – на подоконнике следы сапог. Военных, между прочим.

Я покраснела до корней волос. Бабуля всё знает! И не просто знает – она явно довольна.

– Бабуля, это не то, что ты думаешь, – начала я.

– А я ничего и не думаю, – отмахнулась она. – Я просто рада, что ты наконец-то отошла от того своего... Сашки. И если уж Женечка, внук Тимофея, который на всю деревню известен как самый завидный жених, заглядывает к тебе ночью, значит, неспроста. Всё у тебя будет хорошо, Верка. Я тебе говорю.

Я открыла рот, чтобы возразить, но в этот момент в дверь постучали.

– Аграфена Фёдоровна, здравствуйте! – раздался голос. Низкий, уверенный.

Орлов...

Глава 6.

Бабуля подскочила с места, как молодая девушка, и пошла открывать. Я же застыла с ложкой в руке. Сердце опять заколотилось.

Он вошёл в дом – высокий, широкий в плечах, в лёгкой льняной рубашке и джинсах, и держал в руках огромную охапку полевых цветов. Ромашки, васильки, колокольчики – всё перемешано, аромат стоял на всю веранду.

– Доброе утро, – сказал он, глядя прямо на меня. – Вера, это тебе.

Бабуля ахнула и всплеснула руками.

– Ой, какие красивые! Верка, глянь! Женечка, ты прямо как из сказки! Проходи, проходи, садись. Будешь оладьи?

– Спасибо, Аграфена Фёдоровна, я завтракал, – улыбнулся он, не сводя с меня глаз. – Я за Верой пришёл. Я обещал ей прогулку на речку.

Я поднялась, взяла цветы. Они пахли летом, свободой и чем-то таким настоящим, что у меня защемило в носу.

– Спасибо, – выдавила я. – Очень красиво.

– Тебе идёт, – он кивнул на цветы.

Бабуля засуетилась, подмигнула мне, и буквально вытолкала нас за дверь, шепнув на ухо: «Не торопись, дочка. Всё успеешь».

Мы вышли из дома, и я вдруг почувствовала себя неловко.

Только что мы сидели друг с другом в моей комнате ночью, а сейчас, при свете дня, всё казалось другим. Орлов выглядел как настоящий мужчина с обложки: уверенный, красивый, улыбочивый. А я – просто я, в сарафане, без косметики, с синяками под глазами, которые я не успела замаскировать.

Он, словно прочитав мои мысли, протянул руку.

– Пойдём, – сказал он мягко. – Я знаю тропинку, которая идёт через поле. Там очень красиво.

Мы пошли через деревенскую улицу. Он шёл рядом, иногда касаясь моей руки, когда нужно было помочь перешагнуть через кочку или обойти лужу. Я чувствовала на себе взгляды соседей – те, кто сидели у калиток, уже обсуждали нас. Но Орлов, казалось, не замечал этого. Или ему было всё равно.

За огородами начиналось поле. Золотое, с колосющейся пшеницей. Дальше виднелся лес, а за ним – река. Воздух был чистый, пахло мёдом и травами. Я на миг забыла о своих сомнениях и просто наслаждалась моментом.

– Знаешь, – сказал он, когда мы свернули к реке, – я каждый раз, когда бываю здесь, вспоминаю школу. Помнишь, как мы в поход ходили на майские?

– Ты тогда упал в ручей, – усмехнулась я. – Прямо перед всем классом. И на тебе были белые кроссовки.

– А ты не смеялась, – он остановился и посмотрел на меня. – Все ржали, а ты подошла и помогла мне вылезти. Протянула руку, хотя я тебя постоянно дразнил. Помнишь?

Я замерла. Я и правда забыла этот момент.

– А ты помнишь? – удивилась я.

– Я помню всё, – сказал он тихо, и его глаза стали серьёзными. – Вера, я не шучу. Я правда хочу узнать тебя заново. Но я вижу, что ты мне не веришь.

Я отвернулась, потому что он попал в точку.

– Жень, ты меня не знаешь, – сказала я. – Я не та девочка из школы. Я... я была замужем. Мне не очень хорошо, понимаешь? Я не верю, что такие, как ты, могут смотреть на таких, как я.

Он вдруг взял меня за плечи и повернул к себе. Так близко, что я чувствовала его запах – мужской, свежий, с нотками мяты.

– Не смей так говорить, – сказал он жёстко. – Ты – красивая. Ты – самая красивая из всех, кого я видел. И я вчера тебе не врал, когда сказал, что всю жизнь шёл на этот свет. Может быть, я дурак, что не нашел тебя раньше. Но теперь я здесь. И я никуда не уйду.

Я смотрела в его серые глаза и чувствовала, как тает что-то внутри, как лёд, который я носила в груди долгие годы. Хотелось верить. Очень хотелось.

Но в этот момент что-то плеснулось в воде рядом, и мы оба обернулись. Из реки вынырнула голова Димыча – его друга. Он усмехнулся, отфыркиваясь.

– Ну вы даёте! – заорал он. – Женек, ты чего, даже не предупредил, что с девушкой придёшь? Я тут купаюсь, а вы ми-

ловаться собрались! Может, мне выйти?

Я ахнула и отпрянула от Орлова. Лицо залилось краской. А Димыч уже выбирался из воды, и я увидела, что он в одних трусах. Он подмигнул мне, потом перевёл взгляд на Орлова и снова на меня.

– Извините, красавица, не хотел мешать. Не знал, что мой друг решил устроить свидание с утра пораньше.

Орлов сжал зубы и, не оборачиваясь, сказал сквозь улыбку:

– Димыч, иди в дом, к деду. Прямо сейчас. Или я тебя заставлю.

Димыч захохотал, но направился к берегу, надевая футболку.

– Ладно, ладно, ухожу! Только вы там, главное, не перегрейтесь! – и скрылся за кустами.

Я стояла, чувствуя, как сердце стучит где-то в ушах. Орлов повернулся ко мне.

– Вера, прости. Это мой друг. Он...

– Он просто дурак, – выдохнула я, и вдруг неожиданно рассмеялась.

Орлов тоже улыбнулся. И вдруг он шагнул вперёд, взял меня за руку и потянул за собой.

– Пойдём, я покажу тебе место, где Димыч не достанет.

Мы побежали по тропинке, оба смеясь, как в детстве. И когда я была рядом с ним, все страхи и сомнения отступили. Но где-то в глубине души я знала: это только начало. И

впереди нас ждёт ещё много сюрпризов – от друзей, от стариков, и от самой жизни.

Я не знала, чем это кончится. Но в тот момент мне почему-то казалось, что всё будет хорошо. Или, по крайней мере, очень интересно.

Глава 7.

Вера

Мы бежали по тропинке, и я чувствовала себя так, будто мне снова шестнадцать. Ветер бил в лицо, волосы разлетались, сарафан хлопал по ногам, а рядом бежал Женя Орлов – тот самый мальчишка из моего прошлого, который вдруг стал мужчиной и держал меня за руку так крепко, словно боялся отпустить.

Тропинка вильнула влево, обогнула старую иву, и мы вышли на небольшой обрывчик, с которого открывался вид на реку. Здесь вода делала плавный изгиб, берег был усыпан белыми и жёлтыми кувшинками, а вдалеке виднелась деревянная лодка, привязанная к коряге. Место было сказочным – тихое, укромное, спрятанное от посторонних глаз.

– Ничего себе, – выдохнула я, переводя дыхание. – Я и не знала, что здесь есть такое.

– Мы с пацанами в детстве считали это место своим секретным штабом, – сказал Женя, улыбнувшись. – Сюда даже дед не ходил. Только мы. А когда я приезжал на каникулы, всегда сюда бежал.

Он отпустил мою руку, и я почувствовала лёгкий холодок – его ладонь была тёплой и шершавой, и её отсутствие сразу же стало заметным. Я села на траву, он опустился рядом – близко, но не вплотную, оставляя пространство.

– Жень, а ты часто сюда приезжаешь? – спросила я, чтобы заполнить тишину.

– Раз в год, если повезёт, – он сорвал травинку и начал её жевать. – Служба, знаешь, не отпускает. Только когда в отпуск или в командировку – тогда и навещаю деда. Но в этот раз уговорил Димыча и Серёгу составить компанию. Думали, что тут спокойно отдохнём... – он усмехнулся, – а тут ты.

– Я тоже не планировала, – пожала я плечами. – Бабушка сказала, что помирает. Пришлось ехать.

– А она, по-твоему, похожа на умирающую? – он приподнял бровь.

– Ни капли, – я фыркнула. – Она меня накормила, как на убой, и уже успела мне пару женихов сосватать. В том числе и тебя.

Женя рассмеялся – искренне, открыто, и я заметила, как на его щеках появились ямочки, которых раньше не было.

– Вот ведь, – покачал он головой. – Старое поколение нас не ждёт. Они уже всё решили. Как думаешь, нам сопротивляться, или сдаться?

– Я обычно сдаюсь, – сказала я с горечью, и сама не поняла, зачем это добавила.

Женя повернулся ко мне, и его взгляд стал серьёзным.

– Вера, ты говоришь о себе так, будто ты какая-то неудачница. А я вижу женщину, которая умеет сострадать, у которой доброе сердце – ты ведь массажист, помогаешь людям. Ты красивая, умная. Почему ты так низко себя ценишь?

Я отвернулась, глядя на реку. Вода блестела на солнце, и от этого блеска у меня защипало в глазах.

– Потому что бывший муж говорил мне обратное, – тихо ответила я. – Каждый день. Пять лет. И после этого трудно поверить, что кто-то может думать иначе.

Наступила пауза. Женя ничего не сказал, но я почувствовала, как его рука накрыла мою ладонь.

– Он был дураком, – сказал он коротко и жёстко. – И не обижайся на меня, но я рад, что вы развелись. Ты заслуживаешь лучшего.

Я медленно перевела взгляд на него. Солнечный свет играл в его волосах, делая их почти золотыми. Глаза – штормовые, серьёзные – смотрели на меня с такой теплотой, что у меня перехватило дыхание.

– Жень, – прошептала я, – ты и вправду так думаешь?

– Я не умею врать, – усмехнулся он. – На службе это не приветствуется. Если я что-то говорю, значит, так и есть.

Мы помолчали ещё немного. Я наслаждалась тишиной, пением птиц и тем, что рядом со мной сидит мужчина, который смотрит на меня как на сокровище. Это было незнакомое, трепетное чувство – и оно пугало, но в то же время согревало.

– Расскажи о своей работе, – попросил он. – Это же тяжёлый труд, наверное?

Я оживилась. Рассказывать о своём деле я любила.

– Знаешь, это не просто работа, – начала я. – Это искус-

ство. Люди приходят с болями, зажимами, стрессом. А ты своими руками должен найти те точки, где живёт напряжение, и снять его. У каждого человека своя история, своя боль. И когда после сеанса они выходят и говорят: «Вера, вы волшебница», – это лучше любых слов.

Он слушал внимательно, не перебивая. Когда я закончила, он покачал головой.

– Удивительная у тебя работа. У нас в части тоже есть массажист – но он на меня даже не смотрит, просто делает, что положено. А ты, я чувствую, вкладываешь душу.

– А как ты на службе? – спросила я, решив сменить тему.
– Тяжело?

Он помрачнел, но лишь на мгновение.

– Бывает по-разному, – сказал он уклончиво. – Но я люблю свою работу. Мы – как семья. Димыч, Серёга – они мои братья по оружию. Мы прошли через многое. И это сближает. Но, – он посмотрел на меня, – иногда хочется, чтобы дома ждал кто-то, а не просто казарма.

Я почувствовала, как щёки заливает краской. Он не отводил взгляда, и я отвела глаза первой.

– Ну, – сказала я, пытаюсь говорить легко, – думаю, в деревне у тебя много кандидатур. Я видела, как на тебя смотрели девчонки, когда мы шли.

– А я не хочу девчонок, – сказал он. – Я хочу конкретную женщину.

Я не нашлась, что ответить. Солнце уже поднялось высо-

ко, и жара начинала нарастать.

– Нам, наверное, пора, – сказала я. – Бабушка ждёт меня к обеду.

– Конечно, – он поднялся и протянул мне руку.

Мы пошли обратно молча. Только иногда он бросал на меня короткие взгляды, от которых у меня внутри всё трепетало. У калитки бабушкиного дома он остановился.

– Вера, я сегодня ещё приду. Можно?

– Можно, – выдохнула я.

– Тогда до вечера, – он улыбнулся, развернулся и пошёл к деду.

Я зашла в дом, чувствуя, что парю где-то над землёй. Бабуля уже накрыла на стол – щи, жареная картошка, салат из свежих огурцов.

– Ну, как прогулка? – спросила она, хитро прищурившись.

– Бабуля, не начинай, – взмолилась я, но улыбка не сходила с моего лица.

– А я и не начинаю, – она подмигнула. – Я просто говорю, что Женечка – парень видный, работающий, военный, с серьёзными глазами. Дед Тимофей рассказывал, что он дослужился до майора, ордена имеет, девок не водит, серьёзный человек. А главное, дед у него один. Так что если надумаешь, он тебя никуда не увезёт, здесь будет жить. А я тогда внуков нянчить буду!

– Бабуля! – я чуть не подавилась супом. – Мы просто по-

гуляли! Всё! Никакой свадьбы не будет!

– Ну-ну, – она только улыбнулась и налила мне компоту.

После обеда я помогала бабушке мыть посуду. Настроение было отличное, на душе разливалась лёгкость, даже голова перестала болеть. В голове крутились его слова, его взгляд, его прикосновения. Я мыла тарелки и улыбалась собственным мыслям, когда вдруг с улицы донёсся оглушительный грохот – что-то тяжёлое рухнуло, раздался треск, крики мужчин.

Я замерла с мокрой тарелкой в руках. Грохот был такой, что задребезжали стёкла. Бабуля тоже вздрогнула, прислушалась.

– Что это? – прошептала она.

Я не успела ничего ответить. Быстро вытерла руки о полотенце и бросилась к двери, но на пороге уже стоял дед Тимофей. Он был бледный, руки дрожали, глаза бегали.

– Верка! Аграфена! Беда! – закричал он. – Женечка... он с крыши упал!

Сердце ухнуло куда-то в пятки. Я схватилась за косяк, чтобы не упасть.

– Как упал? – выдохнула я. – Он жив?

– Я не знаю! – дед схватился за сердце. – Мы крышу перекрывали, шифер снимали, а он пошёл по краю, и доска под ним треснула. Упал с высоты второго этажа, кубарем покатился. Лежит, не шевелится! Димыч с Серёгой уже подбежали, но я сразу к вам – ты же медик, Верка, может, знаешь,

что делать!

Я почувствовала, как ноги стали ватными. В ушах зашумело. Второй этаж – это же наверное четыре-пять метров! Если он ударился головой... если сломал позвоночник...

– Бежим! – крикнула я, вылетая за дверь.

Я мчалась через двор, не чувствуя земли под ногами. В голове билась одна мысль: только бы живой! Только бы не случилось непоправимого! Я добежала до соседнего двора и замерла.

Женя лежал на земле у стены дома. Вокруг суетились Димыч и Серёга, не решаясь его трогать. Он не двигался, глаза закрыты, лицо бледное, на лбу – кровь, которая медленно текла по виску. Руки были раскинуты.

Я упала на колени рядом с ним, не обращая внимания на грязь и боль в коленях.

– Женя! Женя, слышишь меня! – закричала я, дотрагиваясь до его плеча.

Он не отвечал. Грудь поднималась? Я не могла понять – слишком быстро колотилось моё сердце. Я прижала пальцы к его шее, ища пульс. Пальцы дрожали, я ничего не чувствовала.

– Да что же ты, Орлов! – прошептала я. – Не смей умирать! Ты мне должен... столько всего должен сказать!

Но он лежал неподвижно. И мир вокруг застыл в ожидании, пока я, затаив дыхание, попытаюсь понять – бьётся ли его сердце.

Глава 8.

Вера

Я стояла на коленях в пыли, не чувствуя ни острых камешков, которые впивались в кожу, ни жары, которая уже вовсю палила с неба. Весь мир сузился до одной точки – до мужчины, который лежал передо мной и не двигался.

Мои пальцы всё ещё искали пульс на его шее. Тишина. Только собственное сердцебиение, которое грохотало в ушах, заглушая всё вокруг. Я не слышала ни птиц, ни шёпота Димыча с Серёгой. Только этот жуткий, гулкий стук в груди, который, казалось, передавался всему моему телу.

– Вера, - услышала я голос Димыча, - он дышит? Мы... - он запнулся, и я поняла, что он тоже напуган до чёртиков. Даже у военных бывает страх.

– Дайте мне секунду! – выкрикнула я, не оборачиваясь.

Я наклонилась ниже, прижалась ухом к его груди. Сквозь ткань рубашки я пыталась уловить хоть какой-то звук, хоть какое-то движение. Но там было тихо. Слишком тихо. Или это я не слышала из-за собственной паники.

Слезы навернулись на глаза. Господи, нет! Только не сейчас, не после того, как мы только начали!

– Он не дышит, - выдохнула я, сама не веря в то, что говорю. – Я не чувствую пульса!

Димыч выругался матом, а Серёга, до этого стоявший как

вкопанный, вдруг заговорил:

– Делай искусственное дыхание! Сейчас же! У тебя есть навыки? Ты же медик, хоть немного!

– Я не медик! Я массажист! – закричала я в ответ, но руки уже сами потянулись к его лицу. – Чёрт, чёрт, чёрт!

Я запрокинула ему голову, сжала нос пальцами, вдохнула, наклонилась... Мои губы коснулись его губ. Они были тёплыми, мягкими, и от этого прикосновения по моему телу пробежала судорога. Я выдохнула воздух в его лёгкие, выпрямилась и начала делать непрямой массаж сердца. Считала про себя: раз, два, три, четыре, пять...

Снова вдох. Снова наклон. Снова губы – на этот раз я чувствовала их вкус, лёгкий, с оттенком мяты от зубной пасты. На секунду я забыла, что делаю что-то важное. Это было странное, пугающее ощущение – целовать человека, который, возможно, уже...

Третий раз. Я вдохнула, наклонилась, и в тот момент, когда мои губы коснулись его, я почувствовала, как его рука резко прижала меня к себе за талию. Я охнула, но не успела ничего понять – Женя притянул меня ближе, и его губы ответили на мой поцелуй. Жарко, требовательно, без капли сомнения.

Я застыла. Мозг отказался обрабатывать информацию. Сердце, которое только что колотилось от страха, теперь стучало от шока. Я ощутила его язык, настойчивый, и моё тело, предавшее меня, кажется, ответило – на миг, на одно безум-

ное мгновение, я растворилась в этом поцелуе. Запах, вкус, тепло его рук на моей пояснице – всё это обрушилось на меня одновременно.

А потом позади раздался оглушительный смех. Димыч заржал так, что, казалось, его слышно было в соседней деревне. Серёга присвистнул и хлопнул в ладоши.

– Да! Сработало! – завопил Димыч. – Женька, ты гений! Мы думали, ты серьёзно разбился, а ты, старый хитрый лис!

– Орлов, красав! – добавил Серёга, вытирая слёзы смеха.

Я оторвалась от губ Жени. Его глаза были открыты – серые, смеющиеся, с этими хитринками, которые я видела только у него. Улыбка расплылась по его лицу, несмотря на кровь на виске и бледность.

– Вера... - прошептал он, - ты... ты такая...

Я не дала ему договорить. Накопившийся страх, шок, гнев – всё это выплеснулось наружу.

– ТЫ ЧТО, ИДИОТ?! – заорала я так, что даже Димыч перестал смеяться. – ТЫ СЕЙЧАС ЧУТЬ НЕ УМЕР! Я ДУМАЛА, ТЫ УМИРАЕШЬ! Я ТЕБЕ СЕРДЦЕ МАССИРОВАЛА! А ТЫ... ТЫ...

Слёзы, настоящие, горькие, хлынули из моих глаз, и я начала колотить его кулаками по груди.

– Ты придурок! Настоящий придурок! Я чуть инфаркт не получила! Я уже хоронить тебя собиралась, а ты... ты целоваться лезешь! Ты вообще больной?!

Женя ловил мои руки, пытаясь успокоить, но я вырыва-

лась. В его глазах плясали чёртики, но на лице всё ещё была та бледность, которая меня насторожила. Я ведь сначала из-за неё и перепугалась.

– Вера, Вера, прости, – он попытался приподняться на локтях, – я не хотел тебя пугать. Просто ты так целовалась... я не сдержался.

– Ах, не сдержался?! – я вскочила на ноги, чувствуя, как земля уходит из-под ног от ярости. – Ты специально придумал весь этот спектакль? Решил разыграть меня на глазах у всех?

– Нет, Вер, серьёзно, – он поморщился, и я заметила, как его лицо исказила гримаса боли, – я упал, правда. Просто когда ты начала делать искусственное дыхание, я очнулся. И... ну, ты была так близко, что я просто не удержался.

Димыч и Серёга уже перестали ржать, но всё ещё утирали слёзы смеха. Я стояла над Орловым, дрожа от переполнявших эмоций.

– Как вы вообще можете смеяться? – закричала я на них. – Он с крыши упал! С высоты! У него кровь на голове!

– Да это царапина, – махнул рукой Димыч, подходя ближе. – Но ты, Верка, даешь! Я такого представления сто лет не видел. У нас в армии тоже так разыгрывали новобранцев, но чтоб массажистка откачивала майора...

– Заткнитесь! – прошипела я, опускаясь снова на колени. – Жень, как ты себя чувствуешь?

Он попытался сесть, но зашипел сквозь зубы. Лицо иска-

зила острая боль.

– Не могу... – выдавил он. – Вера, я не встаю. Что-то с поясницей и под лопаткой. Как будто током ударило. Я ведь правда упал, Вер.

Я замерла. Всё веселье испарилось мгновенно. Я посмотрела на него – его глаза были уже не смеющимися, а серьёзными, и в них читалась настоящая боль.

– Дим, – сказала я твёрдо, – вызывайте скорую. Или везите его в больницу. Сейчас.

– Да ладно, Верка, он притворяется! – попытался усмехнуться Димыч.

Я вскинула на него такой взгляд, что он умолк.

– Я массажист, – сказала я ледяным голосом. – Я видела сотни пациентов с защемлениями. У него мышцы спазмированы, и он не может двигаться – это видно по тому, как он лёг и как попытался подняться. Если это не просто защемление, а что похуже, то без врача он может остаться инвалидом. Ясно? Ему нужен рентген.

Димыч побледнел. Серёга выругался и побежал к машине.

– Я за руль, – крикнул он на ходу. – Грузите его, поехали в районную!

Женя лежал, тяжело дыша, и я видела, как на его лбу выступили капли пота – не от жары, а от боли.

– Вера, – прошептал он, – я правда не хотел тебя обманывать. Я очнулся, когда ты коснулась меня. Я испугался, что ты уйдёшь, и схватил... это было глупо, прости.

– Замолчи, – сказала я, но голос дрогнул. – Береги силы. Мы сейчас поедem.

Мы аккуратно, с помощью Димыча и прибежавшего деда, переложили Женю на носилки, которые Серёга нашёл в доме – старые, но прочные. Пока мы грузили его в машину, я заметила, как его лицо становится всё более напряжённым, а губы сжимаются в тонкую линию. Он не издавал ни звука, но я чувствовала его боль – она передавалась мне через каждое его движение.

Я села с ним сзади, на заднее сиденье. Женя лежал на носилках поперёк, размеры внедорожника позволяли разложить сиденье так, чтобы было удобно. Женя лежал, положив голову мне на колени. Он смотрел на меня снизу вверх – уже без улыбки, а с каким-то странным, почти благодарным выражением.

– Вера, – сказал он тихо, когда машина тронулась, – ты не злишься на меня?

– Я ещё не решила, – ответила я, но сама уже держала его голову и гладила по волосам, боясь, что любое движение причинит ему боль.

– Ты спасла меня, – прошептал он. – Когда я упал... я думал, что всё. А потом увидел тебя. Твои глаза. И понял, что не могу умереть, не попрощавшись.

– Попрощавшись? – переспросила я, чувствуя, как слёзы снова подступают. – Собрался попрощаться поцелуем?

– Лучшего способа и не придумаешь, – он попытался

улыбнуться, но улыбка получилась болезненной.

Я прижалась лбом к его лбу.

– Идиот, – выдохнула я.

Он закрыл глаза. Я сидела, прижимая его к себе, и молилась мысленно всем святым, которых знала, чтобы всё обошлось. Чтобы травма не оказалась серьёзной. Чтобы он остался цел и невредим.

Машина летела по деревенским дорогам. Впереди была неизвестность и тревога. Но я была рядом с ним. И я уже знала: что бы ни случилось, я не оставлю его.

Глава 9.

Вера

Районная больница встретила нас запахом хлорки, казёнными стенами и бесконечными очередями. Но, к счастью, военного с травмой пропустили без очереди – сказалось удостоверение и расторопность Серёги, который буквально влетел в приёмный покой и потребовал врача.

Я сидела на жёстком пластиковом стуле в коридоре и смотрела на дверь рентген-кабинета, за которой скрылся Женя. Мои руки до сих пор дрожали – то ли от пережитого стресса, то ли от того поцелуя, который всё ещё горел на губах. Чёрт, я только что целовала его! При всём честном народе! И он ответил! И эти его друзья, которые ржали как кони...

Димыч сидел рядом и, кажется, не мог успокоиться. Он то и дело хмыкал, посматривая на меня, но, встретив мой гневный взгляд, сразу отворачивался. Серёга стоял у окна и молча жевал свою вечную зубочистку, но я видела, как дёргаются его губы – он тоже сдерживал смех.

– Скажите мне, – процедила я сквозь зубы, обращаясь к Димычу, – вы всегда такие придурки, или это у вас профессиональное?

– Верочка, красавица, – Димыч поднял руки в примирительном жесте, – ну прости нас, дураков. Мы не знали, что

Женька так выкрутится. Он реально упал, мы не врали. Но когда ты начала делать ему искусственное дыхание... ну ты бы видела своё лицо! Такое серьёзное, героическое! А он в этот момент глазки открыл и на тебя смотрит – я чуть сам не упал от смеха!

– Я б вам упала! – пригрозила я. – Он мог серьёзно пострадать, а вы ржёте!

– Так ничего же не сломалось, – пожал плечами Серёга, поворачиваясь ко мне. – У нас там кости крепкие, армия закаляет. Переживёт.

В этот момент дверь рентген-кабинета открылась, и оттуда вышел Женя. Он шёл сам, но с трудом – одной рукой придерживая поясницу, другой опираясь на косяк. Врач, пожилой мужчина с усталыми глазами, вышел следом с рентгеновскими снимками в руках.

– Ну что там? – я подскочила со стула и подбежала к нему. – Всё в порядке?

Врач посмотрел на меня поверх очков, потом перевёл взгляд на Женю.

– Переломов нет, это главное, – сказал он спокойно. – Но защемление есть, причём серьёзное. Мышцы спины спазмированы, поясничный отдел пострадал. Нужен покой, противовоспалительные и... массаж. Хороший, профессиональный массаж. Пара сеансов – и будет как новенький. Если, конечно, он будет себя беречь.

Женя, который стоял бледный, но с уже привычным упря-

мым блеском в глазах, тут же поднял голову.

– Я не останусь в больнице, – заявил он твёрдо. – С меня хватит этих больничных стен. Я лучше дома полежу.

– Молодой человек, – нахмурился врач, – я бы настоятельно рекомендовал наблюдение. Хотя бы сутки.

– Не надо, – отрезал Женя. – Я домой.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде промелькнула такая надежда, что у меня сердце сжалось. Я понимала, что он упрётся, как баран. Характер у Орлова не изменился.

– Я могу делать ему массаж, – сказала я, обращаясь к врачу. – Я массажист. Профессиональный, с опытом.

Врач удивлённо поднял бровь.

– Правда? Ну, тогда это меняет дело. Если есть возможность делать массаж на дому – даже лучше. Покой и уход. Только, – он строго посмотрел на меня, – без резких движений. Первые дни щадящий режим.

– Я знаю, – кивнула я.

Димыч и Серёга переглянулись. Я заметила этот взгляд – странный, какой-то многозначительный. Димыч даже прищелкнул тихонько, но я сделала вид, что не заметила. Не хватало ещё, чтобы они думали, что я собираюсь... Да ничего я не собираюсь! Я просто хочу помочь. Потому что он травмировался у меня на глазах. Потому что я – профессионал. Ну и потому что... потому что я не могла оставить его в таком состоянии.

Обратно ехали в той же машине. Женя сидел на заднем

сиденье, откинувшись на спинку, и я видела, как он морщится при каждой кочке. Я сидела рядом, сжимая руки в кулаки, чтобы не броситься к нему и не обнять. Боже, что со мной творится? Какая-то девчонка влюблённая, а не взрослая женщина в разводе!

У деда Тимофея нас уже ждали. Бабуля, которая успела всё узнать от соседей, стояла на крыльце с пирожками и травяным чаем. Дед ходил вокруг Жени, причитал, но внук его только отмахивался.

– Дед, я живой, – сказал он, криво усмехаясь. – Не хорони раньше времени.

– А я тебе говорю, – ворчал дед, – старый шифер надо было снимать аккуратно, а ты, как всегда, на рожон лезешь!

– Помолчи, Тимофей, – шикнула на него бабуля. – Дай парню отдохнуть.

Я помогала Жене дойти до дома. Димыч и Серёга куда-то исчезли – наверное, пошли разжигать костёр или делать вид, что их нет. Мы вошли в дом. В комнате, где жил Женя, было чисто, но по-мужски – кровать застелена военным одеялом, на стене висит форма, на тумбочке – фотографии, книги.

– Раздевайся, – сказала я деловито, когда Женя опустился на кровать.

Он поднял на меня удивлённый взгляд.

– Что, прямо здесь? – усмехнулся он, но в голосе слышалась усталость.

– Футболку сними, – пояснила я, стараясь не смотреть ему

в глаза. – Я буду делать тебе массаж. Сначала разогрею мышцы, потом постепенно уберу спазм.

Он повернулся спиной, уж не знаю зачем, попытался снять футболку сам, но зашипел от боли, когда поднял руки. Я вздохнула, подошла ближе.

– Давай помогу.

Я взялась за край его футболки и аккуратно потянула вверх. Он поднял руки, насколько мог, и я стянула ткань через его голову. Футболка осталась у меня в руках, а передо мной предстала... ну, просто картина маслом.

Широкие плечи, мощные руки, покрытые лёгким загаром. Спина – мускулистая, с чёткими контурами мышц, которые перекачивались при каждом его движении. Позвоночник – ровный, но я уже видела, что поясница напряжена, мышцы там забиты и спазмированы. А ещё – шрамы. Маленькие, почти незаметные, но я, как массажист, сразу заметила их. Следы, которые он приобрёл на службе.

У меня перехватило дыхание. Я стояла с его футболкой в руках и не могла оторвать взгляда от его спины. Горячая волна пробежала по телу, живот скрутило от странного, запретного желания коснуться его. Прикоснуться не как врач, а как женщина. Провести пальцами по этим мышцам, по этим шрамам, узнать каждую линию его тела.

– Вера? – донёсся его голос, и я вздрогнула. – Ты там жива?

– Да! – выпалила я слишком громко. – Всё хорошо. Сей-

час... сейчас я начну.

Он лёг на живот, повернув голову набок, чтобы дышать. Я налила на руки масло, которое принесла из дома – специальное, массажное, с запахом лаванды, которое всегда брала с собой. Масло было прохладным, но мои ладони горели.

Я коснулась его спины. Мышцы под моими пальцами напряглись, а потом, по мере того как я водила руками по его плечам, начала расслабляться. Я разминала шею, лопатки, спускаясь всё ниже к пояснице. Он стонал – тихо, сдержанно, но я слышала каждый его вздох, и от этого у меня внутри всё переворачивалось.

– Боже, – прошептал он, – у тебя... у тебя невероятные руки.

Моё сердце пропустило удар. Я сосредоточилась на массаже, но мысли метались. Как же он красив! Как же приятно прикасаться к нему! Я видела сотни мужских спин в своей практике, но никто не вызывал у меня такого отклика, такого огня в животе. Я чувствовала каждый миллиметр его кожи, каждую мышцу под своими пальцами, и хотела... хотела, чтобы этот массаж никогда не заканчивался.

– Жень, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, – замолчи. Дай мне работать.

Он тихо усмехнулся, но послушно замолчал. Я продолжала водить руками по его спине, чувствуя, как мышцы постепенно отпускают, как тело становится мягче, податливее. Но внутри меня самой напряжение только росло. Потому что с

каждой минутой я хотела его всё больше.

И когда я наклонилась, чтобы получше размять поясницу, мои волосы упали на его спину. Я слышала, как он втянул воздух, и поняла, что он тоже чувствует это напряжение между нами.

– Вера-а-а, – сказал он хрипло, – я же...

– Что? – выдохнула я, не останавливая рук.

– Ничего, – он повернул голову и посмотрел на меня через плечо. – Просто... продолжай.

Я продолжала. Мышцы подавались, спазм уходил. Но в животе у меня разгорался пожар, который не могла потушить никакая лаванда. И я знала, что этот массаж станет для меня самым сложным в жизни. Потому что я должна была оставаться профессионалом. Но внутри я была просто женщиной, которая касалась мужчины, который ей нравился. И от этого с ума сходила.

Глава 10.

Женя

Я лежал на земле и думал: «Ну вот, Орлов, допрыгался».

Секунду назад я стоял на краю крыши, снимал старый шифер, а в следующую — доска под ногами треснула, и я полетел вниз, даже не успев сгруппироваться. Удар пришёлся на бок, потом я покатился, и в спине что-то хрустнуло — не то кость, не то позвонки. Боль была острой, как нож, и я отключился всего на мгновение.

Когда очнулся, я лежал, не в силах пошевелиться, а надо мной склонились Димыч и Серёга. Я слышал их голоса, но они доносились будто сквозь вату.

«Женька, ты как?» — голос Димыча, взволнованный.

«Бери его за плечи, сейчас приподнимем».

Я хотел сказать, что лучше не надо, что внутри всё горит огнём, но рот не слушался. Я просто лежал, смотрел в небо и пытался понять, жив я или уже на том свете. А потом увидел её.

Вера бежала к нам, и я забыл, как дышать. Она бежала так, будто за ней гнались черти, и опустилась на колени рядом со мной. Её глаза были полны ужаса, а руки тряслись, когда она пыталась найти мой пульс.

Я закрыл глаза, решив, что дам ей немного поволноваться — мне нужно было собраться с мыслями. Но когда она на-

клонилась и начала делать искусственное дыхание... чёрт, я не знаю, как я сдержался, чтобы не схватить её сразу.

Её губы были такими мягкими, тёплыми, пахли мёдом и чем-то сладким, и я почувствовал, как боль отступает на второй план. Я хотел, чтобы это продолжалось вечно. Когда она наклонилась в третий раз, я не выдержал — притянул её к себе, ответил на поцелуй, и на мгновение забыл, что у меня болит всё тело. Её удивлённый вскрик, её руки, упершиеся в мою грудь, — я чувствовал себя мальчишкой, который украл конфету. Я знал, что потом она будет злиться, но это того стоило.

В больнице я чуть не взбесился от ожидания. Эти коридоры, запах лекарств, белые стены — ненавижу это всё. Мне хотелось только одного: чтобы меня отпустили домой, подальше от этого казённого ада. Рентген показал, что кости целы, но врач сказал, что защемление серьёзное и нужен массаж.

Я уже собрался спорить, как вдруг Вера сказала: «Я могу делать ему массаж. Я массажист». У меня сердце забилося быстрее. Она вызвалась помогать мне. Это значило, что она не уйдёт. Что я смогу видеть её каждый день, касаться её, чувствовать её рядом. Димыч и Серёга переглянулись, и я понял, о чём они думают: «Орлов, везёт же тебе». Но я сделал вид, что не заметил.

Дома, когда мы остались вдвоём, я чувствовал себя неловко. Она помогала мне снять футболку, и я заметил, как она

задержала взгляд на моей спине. Мне было интересно, что она думает: обо мне или о шрамах? Я хотел спросить, но боялся спугнуть. Потом она начала массаж. Её руки были волшебными.

Когда она коснулась моих плеч, я почувствовал, как напряжение уходит, уступая место расслаблению. Но где-то в груди закипал другой огонь. Её пальцы двигались по моей спине, и я ощущал каждое её прикосновение кожей, каждой клеткой. Хотелось повернуться и прижать её к себе, но я лежал неподвижно, боясь испортить момент.

Вера разминала мышцы, и я стонал — не от боли, а от удовольствия. Я чувствовал, как её дыхание касается моей кожи, когда она наклонялась ближе, и это сводило меня с ума. В тот момент я понял, что хочу её больше, чем свободы, больше, чем всех наград.

Я не ожидал, что к ней проснётся что-то такое, — не только физическое притяжение, но и глубокая привязанность. Она была искренней, когда говорила, что я нравился ей в школе, и я тоже не врал. Я действительно засматривался на неё, когда она сидела за партой, уткнувшись в книгу. Но тогда я был слишком глуп, чтобы признаться. А сейчас, когда она касалась моего тела, я чувствовал, что эти чувства переросли во что-то более сильное.

Я хотел, чтобы она была рядом всегда. Чтобы каждое утро начиналось с её улыбки. Я хотел заботиться о ней, защищать, доказывать, что она достойна счастья. Я хотел стать тем че-

ловеком, который развеет все её сомнения.

Но когда она закончила массаж и начала собираться, я понял, что должен сделать шаг. Я знал, что если не скажу ей сейчас, то потом будет поздно.

- Вера, - позвал я.

Она обернулась, вопросительно подняв бровь. Её волосы растрепались, глаза блестели в свете лампы, и она выглядела такой красивой, что у меня перехватило дыхание.

- Оставайся, - сказал я, чувствуя себя мальчишкой, просящим о первом свидании. - Хотя бы на ужин.

Она колебалась, и я добавил:

- Пожалуйста. Я хочу, чтобы ты осталась. Не как массажист, а как человек, с которым мне хорошо.

Я боялся, что она откажется, но в её глазах промелькнуло что-то мягкое, тёплое. Она опустилась на стул рядом, и я выдохнул с облегчением.

- Ладно, - сказала она тихо. - Но только на ужин. И если ты опять придумаешь какую-то глупость, я уйду.

Я улыбнулся, чувствуя, как сердце бьётся быстрее. Глупость? Я был готов на всё, лишь бы она осталась. Я хотел узнать её снова, хотел провести с ней вечер и понять, чувствует ли она то же самое. Потому что с каждым прикосновением, с каждым взглядом я влюблялся в неё всё больше. И теперь я был готов идти до конца — даже если для этого придётся притвориться, что мне нужна помощь.

Глава 11.

Вера

Я должна была уйти. Прямо сейчас, пока ещё не поздно. Пока бабуля не прибежала сюда с пирожками и не начала строить планы на нашу совместную жизнь. Но Женя смотрел на меня такими умоляющими глазами, что я просто не смогла отказаться. Он лежал на кровати, бледный, уставший, но с этой хитринкой во взгляде, которая говорила: «Я знаю, что ты останешься». И я осталась. Глупая, влюблённая дура.

Ужин накрывали всей толпой. Дед Тимофей поставил на стол огромную сковороду с картошкой, бабуля притащила пирожки и соленья, Димыч с Серёгой нашли у деда компот и бутылку домашнего кваса. Женя сидел за столом, и я видела, что ему всё ещё больно, но он держался молодцом. Я села рядом с ним — так, чтобы в случае чего помочь, но он только усмехнулся и налил мне компот.

— Держи, Вера. Расслабься. Ты сегодня заслужила.

— Ага, — буркнула я. — Заслужила седые волосы. Ты меня чуть до инфаркта не довёл.

— Зато теперь мы знаем, что ты умеешь делать искусственное дыхание, — хохотнул Димыч, и я запустила в него ложкой, а он увернулся.

— Только попробуй ещё раз про это вспомнить, — пригрозила я. — Я тебе такое искусственное дыхание сделаю...

Димыч поднял руки, но продолжал ухмыляться. Серёга, сидевший с краю, молча жевал свою зубочистку, но в глазах у него тоже плясали чёртики. Я понимала, что эти двое не упустят случая меня подколоть.

Старики же вели себя, как настоящие свахи. Дед Тимофей разливал всем квас и то и дело бросал на меня и Женю многозначительные взгляды. Бабуля моя, которая прибежала с пирожками, уже всю о чем-то шепталась с ним.

— Аграфена, а ты глянь, какие они ладные, — громко сказал дед Тимофей, как бы между делом, но я сразу поняла, к чему он клонит. — Женек у меня хороший, хозяйственный, военный. А Верка вон какая красавица, добрая, работающая. Красивая пара!

— Тимофей, да ты прав, — подхватила бабуля, и я почувствовала, как заливаюсь краской. — Верка у меня внучка золотая. И одна сейчас. И Женечка один. Сама судьба свела, я тебе скажу.

— Бабуля! — возмутилась я. — Прекрати! Я приехала отдыхать, а ты меня замуж сватаешь!

— А что плохого? — дед Тимофей даже не смутился. — Ты подумай: Женька — майор, ордена имеет, избу мы ему в городе купили, квартира есть. А ты — массажистка, руки золотые. Вместе — сила! И детишков родите, я вам нянчить помогу.

— Дед! — рявкнул Женя, но в голосе его не было злости. — Не дави на Веру. Мы ещё даже... ну, не знаю. Не торопи

события.

— А я и не тороплю, — дед развёл руками. — Я просто констатирую факты. Вон Димыч с Серёгой — они тоже мужики видные, но они не соседи. А вы соседи! Аграфена через забор, я через забор. Идеально! И родственники рядом, и хозяйство общее.

Димыч заржал и подмигнул мне:

— Верка, соглашайся! Женька мужик надёжный, проверенный. Мы в бою его видели — не сдаётся никогда. И в постели, говорят, тоже... - он не договорил, потому что Женя метнул в него взгляд, от которого тот подавился квасом.

— Заткнись, Димыч, — процедил Женя.

— А чего? — не унимался Димыч. — Мы ж за тебя рады. Такая девка — и всё мимо носа проплывала. А теперь сама в руки идёт. Только ты, смотри, не упусти.

Я чувствовала, что земля уходит из-под ног. Они сидели и обсуждали меня, как товар на рынке. И самое ужасное — бабуля поддакивала им, приговаривая:

— И правда, Верка. Женечка — парень серьёзный. Не то что твой бывший, Сашка этот. А руки у него, глянь — рабочее. И в военной форме он... — она мечтательно закатила глаза.

— Бабуля! — взмолилась я. — Можно просто поужинать в тишине? Без сватовства?

— А мы и не сватаем, — сказал дед Тимофей. — Мы просто разговариваем. Ты же у нас, Вера, девушка умная. Сама

всё понимаешь. А если сомневаешься — спроси у Аграфены, она тебе расскажет, как мы с ней...

— Тимофей! — шикнула на него бабуля, и я поняла, что они с дедом, похоже, давно дружат. Очень давно. Я даже задумалась, не было ли у них романа в молодости, но сейчас это было не важно.

— Вера, ты главное не стесняйся, — продолжил дед Тимофей. — Если что — я тебя в обиду не дам. И Женьку приструню, если что. Хотя он у меня послушный, только с виду суровый. А в душе он — семейный. Пирожки любит, по вечерам чай пить.

— Дед, ты меня сейчас со свету сживаешь, — простонал Женя, но я заметила, что он улыбается краем губ.

Я хотела встать. Серьёзно. Взять и уйти, потому что этот разговор становился невыносимым. Но в этот момент я почувствовала, как под столом тёплая, шершавая рука накрыла мою ладонь. Я вздрогнула и посмотрела на Женю. Он сидел с совершенно спокойным лицом, но его пальцы сжимали мои, и он умоляюще смотрел на меня. Без слов. Просто взгляд — такой, от которого у меня сердце пропустило удар. Он просил меня не уходить. Остаться. Даже если над нами смеются и нас сватают, он хотел, чтобы я была здесь.

Я замерла. Его рука была тёплой, уверенной, и я вдруг почувствовала странный покой. Мне перестало хотеться бежать. Я сжала его пальцы в ответ — чуть-чуть, сама не понимая, зачем.

Женя же под столом погладил мою руку большим пальцем, и по моему телу пробежали мурашки.

Я сидела, стараясь не смотреть на него, но чувствовала каждое его прикосновение. Мы ужинали, болтали о всякой ерунде, но я не могла сосредоточиться. Его рука, которая всё ещё держала мою, была как якорь — я не могла уйти, даже если бы захотела. В голове крутились мысли: «Что я делаю? Мы же просто соседи. Мы просто поужинали. Но почему тогда внутри всё горит?»

Старики перестали шутить про свадьбу, но я видела их довольные лица — они знали, что мы не просто соседи. Дед Тимофей подмигнул мне:

— Держись, Вера. Он хороший. Ты не пожалеешь.

Я не знала, что ответить. Я просто смотрела на Женю, который сидел рядом, сжимая мою руку, и думала: «Может, они правы? Может, это и есть судьба?»

А потом он повернулся ко мне и улыбнулся — так легко, открыто, и я поняла, что уже не хочу уходить. Мне хочу остаться.

Но вслух я лишь сказала:

— Жень, отпусти мою руку. А то я не могу пирожок взять.

Он усмехнулся, но не отпустил. Только придвинул ко мне тарелку и сказал:

— Я тебе подам. Только сиди.

Глава 12.

Женя

Ужин закончился. Вера встала из-за стола, и я сразу почувствовал пустоту. Её рука, которую я держал под столом, ускользнула, и я сжал кулак, чтобы удержать тепло её ладони. Она забрала тарелку, сказала старикам спокойной ночи и, даже не глянув на меня, пошла к выходу. Бабуля её уже ждала у калитки, и я слышал, как они о чём-то негромко переговаривались, пока шли по дорожке. Верина спина исчезла в темноте, и я выдохнул, понимая, что сегодняшний вечер подошёл к концу. Но внутри всё бурлило.

— Ну что, Орлов, — раздался голос Димыча, — провожать не пошёл? Или у тебя уже планы на ночь?

— Заткнись, — ответил я беззлобно, но в голосе всё равно слышалась раздражённость.

Димыч только хмыкнул и похлопал меня по плечу. Серёга, как обычно, молча жевал зубочистку, но я знал его достаточно хорошо, чтобы видеть — он тоже на меня смотрит с усмешкой. Друзья — они всегда знают, когда ты влюблён, даже если сам себе в этом не признаёшься.

— Женька, ты чего такой хмурый? — спросил Димыч, усаживаясь рядом. — Девка классная. Чем ты не доволен?

— Я доволен, — проворчал я. — Вы слишком давите.

— А мы и не давим, — Димыч пожал плечами. — Мы

просто поддерживаем. И старики ваши тоже. Ты же видишь, как дед с её бабушкой друг на друга поглядывают. Они, кажется, уже внуков распланировали.

— Не говори ерунды, — отмахнулся я, но в глубине души понимал, что он прав.

Когда Вера с бабушкой ушли, Димыч с Серёгой начали прибираться на столе, а я остался сидеть на месте, глядя на пустое место рядом. В голове прокручивался вечер: её смех, её глаза, её пальцы, которые касались моей спины... Боже, я хотел, чтобы она снова была рядом. Хотел слышать её голос, видеть её улыбку. Димыч снова что-то сказал, но я уже не слушал.

— Так, мужики, — я поднялся, зашипев от боли в пояснице, но сдержался. — Я спать. Завтра разберёмся.

Они переглянулись, но ничего не сказали. Только ухмыльнулись, когда я направился в комнату, потирая спину. Я знал, что они думают — «Орлов, ты влип». Но мне было всё равно.

Я лежал на кровати, пытаюсь заснуть, когда в дверь постучали. Вошёл дед. Он выглядел серьёзным, но не хмурым — таким, как всегда, когда собирался сказать что-то важное. Он сел на стул рядом и посмотрел на меня.

— Женек, — начал он, и я сразу приготовился к долгому разговору. — Я понимаю, что ты взрослый человек, военный, сам принимаешь решения. Но ты мне скажи... как тебе Вера?

Я приподнялся на локте, стараясь не поморщиться от боли.

— Нормально, дед. А что?

— А то, — он наклонился вперёд, понизив голос. — Мы с Груней давно это задумали. Она, знаешь ли, ещё когда ты в школе учился, говорила: «Твой Женька, Тимофей, с моей Веркой хорошую пару составит». А я ей отвечал: «Пусть сами разбираются, когда вырастут». И вот вы оба выросли. Ты — офицер, с боевым опытом. Она — женщина серьёзная, с добрым сердцем, работа у неё хорошая. И вы оба свободны.

— Дед, — я вздохнул, — ты серьёзно сейчас мне ее сватаешь?

— А что? — он развёл руками. — Я не молодой, Женек. Хочу, чтобы у тебя был дом, жена, дети. Армия — это хорошо, но ты на ней одной жизнь не построишь. А Вера — это такой человек... она и тебя согреет, и хозяйство поднимет, и детишков родит. И она тебе нравится, я это вижу.

— Даже если и так, — сказал я, стараясь говорить спокойно, — не надо торопить события. Мы только встретились. Я не знаю, что она думает на самом деле. Это не её вина, что мы все тут решили, что нам нужно быть вместе.

Дед внимательно посмотрел на меня, и в его глазах промелькнула хитринка.

— А мне кажется, она тоже думает о тебе. Ты видел, как она на тебя смотрит за ужином? Как руку твою под столом держала? Это не просто так.

Я замолчал. Он был прав — я чувствовал все. И не думал, что все это видят. Но я не хотел, чтобы наше сближение стало следствием чьего-то давления. Это должно быть настоящим. Искренним.

— Дед, я ничего не обещаю, — сказал я твёрдо. — Но если между нами что-то будет — это наше дело. Ни твоё, ни Груни.

Дед улыбнулся, понимающе кивнул.

— Ладно, внучок. Живи как знаешь. Только помни: я всегда рядом и всегда за тебя рад. А Вера — хорошая женщина. Не упусти её.

Он встал, потрепал меня по плечу и вышел. Я остался один в комнате, и его слова эхом отдавались в голове. «Не упусти её». Я и сам это знал. И знал, что никуда не уйду, пока не сделаю всё, чтобы быть рядом с ней.

Я ждал, пока в доме стихнут голоса, пока дед уляжется и захрапит в соседней комнате. Только тогда я поднялся с кровати, стараясь двигаться бесшумно. Спина ныла, но боль была не такой острой, как днём — массаж, который сделала Вера, помог. Я вышел на улицу, перелез через забор и, уже привычным путём, подошёл к её окну. Оно было приоткрыто — так же, как в прошлый раз. И я подумал: «Она меня ждёт. Или просто не закрыла?»

Я тихонько приоткрыл раму, залез внутрь и прислушался. В доме было тихо. Только где-то вдалеке лаяли собаки. Я шагнул в комнату и увидел её: она сидела на кровати, об-

хватив руками колени. В лунном свете её волосы казались расплавленным золотом.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала она тихо.

У меня перехватило дыхание. Её голос был спокоен, но я чувствовал, что она тоже ждала этого момента. Я сел на край кровати и нежно взял её за руку.

— Не мог не прийти.

Глава 13.

Вера

Я знала, что он придёт. Я ждала этого весь вечер, хотя сама себе не признавалась. Сидела на кровати, обхватив колени, и прислушивалась к каждому шороху за окном. И когда услышала знакомый скрип рамы, сердце пропустило удар. Он вошёл в комнату, и луна озарила его фигуру — высокую, сильную, такую родную уже сейчас. Он сел на край моей кровати, взял мою руку, и я почувствовала, как его тепло разливается по моей коже.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала я, и голос мой дрогнул.

— Не мог не прийти, — ответил он, и его голос был низким, хрипловатым, от которого внутри всё переворачивалось.

Мы молчали, глядя друг на друга в лунном свете. Я видела его глаза — они были тёмными, почти чёрными, и в них горело что-то, что заставляло меня забывать, как дышать. Он поднял руку и провёл пальцами по моей щеке, убирая прядь волос. Прикосновение было лёгким, едва ощутимым, но по моему телу пробежала дрожь.

— Вера, — прошептал он. — Я так долго ждал. Я так хочу тебя.

Я не ответила словами. Вместо этого я сама потянулась

к нему, и наши губы встретились. Поцелуй был мягким, почти робким, но в нём чувствовалась вся его нежность, вся страсть, которую он сдерживал. Его губы скользили по моим, дразня, лаская, заставляя моё сердце биться быстрее. Я чувствовала его дыхание, его запах — мята, лес, мужская сила. И я таяла.

Он отстранился на мгновение, заглядывая мне в глаза, словно спрашивая разрешения. Я кивнула, и он снова припал к моим губам, но теперь уже смелее, требовательнее. Его руки скользнули по моей спине, притягивая меня ближе, и я ощутила его тепло через тонкую ткань рубашки. Он целовал мои губы, потом щёки, шею — легко, как ветер, который касается лепестков цветка. Каждое прикосновение его губ было как искра, разжигающая во мне огонь.

Я запустила пальцы в его волосы, чувствуя их мягкость, и притянула его к себе. Он зарычал тихо, почти беззвучно, и я поняла — он тоже горит. Он приподнял меня, укладывая на подушки, и навис надо мной, опираясь на руки. Его глаза были полны желания, но в них не было грубости — только тепло, забота и безграничная нежность.

— Можно? — спросил он, и его голос дрожал.

Я снова кивнула, и он начал медленно расстёгивать пуговицы моей ночной рубашки. Его пальцы были уверенными, но трепетными, словно он боялся причинить мне боль или спугнуть. Когда ткань скользнула с моих плеч, я почувствовала, как ночной воздух коснулся моей кожи, а следом — его

руки. Они скользили по моим плечам, по груди, по животу, словно изучая каждую линию моего тела.

Я видела его лицо — сосредоточенное, восхищённое, и от этого у меня перехватывало дыхание. Он смотрел на меня так, будто я была самым прекрасным творением, которое он когда-либо видел. И в его взгляде не было осуждения или сомнения — только любовь. Чистая, настоящая.

Он наклонился и поцеловал мою шею, затем спустился ниже, оставляя дорожку из поцелуев на моей коже. Я выгнулась под ним, чувствуя, как его губы ласкают моё тело, как его руки обнимают меня, прижимают к себе. Это было похоже на танец — медленный, сладкий, где каждый шаг был пропитан страстью и нежностью.

Когда он вошёл в меня, я замерла на мгновение, чувствуя, как он заполняет собой каждую клетку моего тела. Это было не просто физическое ощущение — это было что-то большее. Словно он соединял меня с собой, делал нас единым целым. Он двигался медленно, ритмично, и я чувствовала каждое его движение, каждое дыхание, каждый вздох.

— Вера... — прошептал он, и в этом слове было всё: его тоска, его желание, его любовь. — Ты такая красивая. Ты моя.

Я обвила его руками и ногами, прижимая к себе, и мы слились в одном ритме, словно прилив и отлив, словно ветер и море. Это было похоже на бурю — но бурю, которая не разрушает, а создаёт. Я чувствовала, как он дрожит рядом

со мной, как его сердце бьётся в унисон с моим, и понимала — это момент, который я запомню навсегда.

Всё закончилось внезапно и одновременно мягко — как рассвет, который наступает после долгой ночи. Он упал рядом со мной, тяжело дыша, и притянул меня к себе. Я уткнулась лицом в его грудь, чувствуя, как бьётся его сердце, и улыбнулась. Мои пальцы рисовали узоры на его коже, и я знала — этот момент никогда не повторится. Но он и не должен был.

— Вера, — сказал он, целуя мою макушку. — Я люблю тебя. Я понял это сегодня, когда ты меня спасала. Когда ты касалась меня, я чувствовал, что ты — моя. И я никогда не отпущу тебя.

Я приподнялась на локте и посмотрела на него. В лунном свете его глаза казались звёздами, и я прочитала в них правду.

— Я тоже, — прошептала я. — Я тоже люблю тебя.

Он улыбнулся, и эта улыбка растопила последние льдинки в моей душе. Я легла ему на плечо, и мы лежали так в тишине, прислушиваясь к ночи. Где-то далеко лаяли собаки, ветер шевелил шторы, и мир казался нам идеальным.

Я закрыла глаза и подумала: может быть, это и есть счастье? Не что-то далёкое и недостижимое, а просто — лежать в объятиях любимого человека, чувствовать его тепло и знать, что ты нужна ему так же сильно, как он нужен тебе. И я поняла, что готова быть с ним всегда, несмотря ни на что. По-

тому что с ним я чувствовала себя живой. Настоящей. Свободной.

Глава 14.

Вера

Солнце пробивалось сквозь неплотно задёрнутые шторы, и я чувствовала его тепло на своих веках. Где-то вдалеке пел петух, и этот звук был таким привычным, что я чуть было не перевернулась на другой бок, чтобы досмотреть сон. Но что-то мешало. Что-то тёплое, тяжёлое и очень мужское лежало на моей талии. Я попыталась пошевелиться, и тут же поняла — я не одна в кровати.

Воспоминания обрушились на меня, как тот самый ушат грязной воды с первого дня. Только теперь это был не ушат, а целый водопад эмоций. Женя. Его руки. Его губы. Его шёпот в темноте. Как он держал меня, как мы дышали в унисон, как всё внутри меня горело и таяло одновременно. Господи, что я наделала?!

Я резко открыла глаза и тут же зажмурилась. Нет, это не сон. Вот его рука, лежащая у меня на животе. Вот его дыхание — ровное, спокойное, оно касалось моей шеи, и я чувствовала, как мурашки бегут по коже. И вот его лицо, ослабленное во сне: длинные ресницы на щеках, едва заметная улыбка в уголках губ, лёгкая щетина. Он был таким красивым, что у меня перехватило дыхание.

Но паника нарастала, как снежный ком. Что я сделала? Я — Вера Бочкарёва, массажист в разводе, вся в комплек-

сах, — переспала с майором Орловым, своим бывшим одноклассником, который в школе называл меня селёдкой! Да ещё и не просто переспала — я ему сказала, что люблю его! И он сказал то же самое! Мысли в голове путались, сердце колотилось где-то в горле, и я понимала, что если он проснётся, я не выдержу этого взгляда. Вдруг он передумал? Вдруг это была просто ночь, а утром он скажет: «Извини, погорячился»? Или, что ещё хуже, начнёт делать вид, что ничего не было?

Я начала медленно, очень медленно высвобождаться из его объятий. Осторожно приподняла его руку. Затаила дыхание, когда Женья во сне пошевелился, но он только пробормотал что-то невнятное и крепче прижал меня к себе.

— Куда ты? — прошептал он, и я чуть не подскочила.

Глаза у него были закрыты, но улыбка уже играла на губах. Он не спал! Он притворялся!

— Жень, — я сглотнула ком в горле. — Отпусти меня. Мне надо... надо в туалет.

— Врёшь, — сказал он, открывая один глаз. — Ты пытаешься сбежать. Я знаю это выражение лица. Я на войне такое видел, когда новобранцы пытались дезертировать.

— Я не дезертирую! — возмутилась я, но голос дрожал. — Просто... надо подумать.

— А я тебе не дам думать, — он вдруг резко притянул меня к себе и перевернулся, нависая надо мной. Его глаза были уже полностью открыты, серые, как штормовое море,

и в них горел такой огонь, что у меня всё внутри перевернулось. — Доброе утро, любимая.

— Женя, — выдохнула я, чувствуя, что земля уходит из-под ног. — Мы... это всё было так быстро. Ты уверен?

Он наклонился и поцеловал меня в лоб, потом в кончик носа, потом в губы — легко, невесомо.

— Я никогда ни в чём не был так уверен, как в тебе, — сказал он серьёзно. — Вера, я не шучу. Я люблю тебя. И эту ночь я не забуду никогда.

Он хотел сказать что-то ещё, но в этот момент в дверь постучали. Громко, настойчиво.

— Верка! — раздался голос бабули. — Вставай, дочка! Я тебе блинов напекла! Свежие, с маслом!

Я замерла. Сердце остановилось, а потом забилось с такой силой, что, казалось, выскочит из груди. Женя тоже застыл, глядя на дверь. Мы оба молчали, не зная, что делать. Бабуля постучала снова.

— Верка, ты там живая? Спишь, что ли? Я тихонько, только оставлю тебе на столе, а сама уйду, — и она начала открывать дверь.

Ручка повернулась. В ту же секунду я сделала единственное, что пришло мне в голову: я нырнула под одеяло с головой, прижалась к Жене, и замерла, как мышь. Он даже не шелохнулся. Только рукой прикрыл меня, словно защищая, и повернулся к двери.

— Аграфена Фёдоровна, доброе утро, — сказал он абсо-

лютно спокойным голосом. — Вера ещё спит. Я сам зайду за завтраком, если можно.

Наступила мёртвая тишина. Я под одеялом не дышала, считала удары своего сердца. Господи, что сейчас будет? Бабуля упала в обморок? Она вызовет полицию? Она начнёт кричать?

Но вместо этого я услышала, как бабуля ахнула — радостно, звонко, как девчонка.

— Ой, Женечка! Ты тут? А я не знала, что ты у нас... ну, ты... — она засмеялась. — Ой, я так и знала! Я же вам говорила! Ну надо же! А я блинов принесла! Вы кушайте, кушайте, я ещё сделаю!

— Спасибо, Аграфена Фёдоровна, — Женя говорил так, будто ничего не произошло. — Вы очень вовремя. Сейчас Вера проснётся, мы придём.

— Да не торопитесь! — бабуля уже почти шептала, но я всё слышала через одеяло. — Я на рынок, займу себя. А вы гуляйте, гуляйте! Я знаю, мне ли не знать... — она хихикнула. — Всё, я ушла!

Дверь закрылась. Шаги затихли. Я вынырнула из-под одеяла, как утопленница, и уставилась на Женю с округлившимися глазами.

— Ты что?! — зашипела я. — Зачем ты сказал, что я сплю? Она же всё поняла!

— Вообще-то, — он ухмыльнулся, — она это поняла ещё когда зашла. Или ты думаешь, она не догадалась, что на меня

нет футболки, а под одеялом кто-то шевелится?

Я закрыла лицо руками. От стыда хотелось провалиться сквозь кровать в подвал.

— Боже, бабуля будет теперь свадьбу планировать, — простионала я. — Она уже готова наряды венчальные заказывать.

— А что, — Женя вдруг стал серьёзным, — тебе так противна эта мысль?

Я убрала руки и посмотрела на него. В его глазах читалась тревога, смешанная с надеждой. Я вдруг поняла, что он тоже боится, что я уйду, что я скажу, что это была ошибка. И в этот момент я перестала паниковать.

— Нет, — сказала я тихо. — Я не против. Просто... всё так быстро. Я не привыкла к такому. Я привыкла, что от меня уходят, а не остаются.

Он притянул меня к себе и обнял так крепко, что я ощутила, как его сердце бьётся в унисон с моим.

— Я никуда не уйду, — пообещал он. — Ты моя, Вера. И я не позволю тебе сбегать от меня.

Я улыбнулась, уткнувшись носом в его плечо. Как же это приятно — лежать в объятиях мужчины, который тебя любит. Который не стесняется тебя, не оскорбляет, не говорит, что ты толстая. Он смотрит на меня так, будто я — его сокровище.

— Ладно, — сказала я. — Но давай слезем с кровати, пока бабуля не вернулась и не застала нас в более компроме-

тирующей позе.

— Она будет только рада, — усмехнулся Женя.

— Идиот, — шлёпнула я его по груди, но сама смеялась.

Когда мы, наконец, оделись и вышли в кухню, бабуля уже исчезла, но на столе стояла огромная тарелка блинов, маслѐнка, варенье и свежесваренный чай. Рядом лежала записка: «*Верочка и Женечка! Я ушла к соседке, не ждите. Ешьте на здоровье. Целую, ваша Груня*». А внизу было приписано: «*Женечка, ты мне как внук уже. Так что береги Верку, а то я тебя венчиком*».

Я показала записку Жене, и он расхохотался.

— Я же говорю, она всё знает, — сказал он. — И она меня уже давно приняла.

Я села за стол, ощущая странное чувство лёгкости и счастья. Моя жизнь перевернулась за какие-то три дня. Я приехала в деревню как сломленная, уставшая женщина, а сейчас сижу напротив военного красавца, который смотрит на меня с такой любовью, что я начинаю верить в чудеса.

— Жень, — сказала я, беря блин. — А что будет дальше? Ты уедешь в свою часть, я вернусь в город, и...

— Нет, — перебил он. — Мы решим это вместе. Я не хочу, чтобы мы расставались. Я подумаю над переводом. Или ты переедешь ко мне. Мы найдѐм выход.

Я кивнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются слѐзы. Но я их сдержала — не хотела портить момент.

— Давай сначала доедим блины, — сказала я улыбаясь.

— А потом будем строить планы.

Мы завтракали, болтали о ерунде, смеялись, и я поняла, что этот день — начало новой жизни. Жизни, где есть он. И это было прекрасно.

Глава 15.

Женя

Я вышел от Веры с чувством, будто меня окатили ледяной водой, а потом закутали в самое тёплое одеяло на свете. На душе было легко, радостно и в то же время трепетно — я влюбился. По-настоящему, по-взрослому, так, что сердце колотилось при каждом воспоминании о её утренней улыбке. Она сидела за столом, елозила по тарелке блин, смотрела на меня и улыбалась. Я бы мог смотреть на неё вечно. Но пришлось уйти — бабуля могла "вернуться с минуты на минуту", и Вера не хотела, чтобы нас застали в "неподобающей" обстановке. Хотя, если честно, я уже понял, что Аграфена Фёдоровна была бы только рада.

Я перелез через забор и оказался на дедовом дворе. Дед Тимофей уже возился в огороде, что-то поливал из лейки. Димыч и Серёга сидели на крыльце, попивали чай и явно что-то обсуждали, судя по их ухмылкам. Я сразу понял: они всё знают. Ну, или догадываются.

— О, командир пожаловал! — заорал Димыч, едва увидев меня. — А мы уж думали, ты там насовсем остался!

— Не ори, — бросил я, подходя к ним. — Ты разбудишь всю деревню.

— А чего бояться? — Серёга вытащил зубочистку изо рта и многозначительно посмотрел на меня. — Тут уже все зна-

ют, что ты ночевал у Аграфены. Тётя Зина из дома напротив видела, как ты в окно лез.

Я закатил глаза. Деревня — как маленький мир, где всё видно, слышно и пересказано за час. Но мне было плевать. Пусть знают. Пусть обсуждают. Я счастлив.

— И что? — я сел на крыльцо рядом с ними, взял кружку и налил себе чая. — Я у Веры был. Это моё дело.

— Ну, ты даёшь, — хмыкнул Димыч. — Мы же видим, как ты на неё смотришь. Прямо как телок на зелёную травку. Ты ей уже признался?

— Признался, — я улыбнулся, не скрывая довольной ухмылки. — И она мне тоже.

Димыч присвистнул, Серёга одобрительно кивнул.

— Ну, молодец, командир, — похлопал меня по плечу Димыч. — А мы уж думали, ты так и будешь ходить вокруг да около. А ты вон как шустро — за две ночи дело сделал.

— Заткнись, — беззлобно огрызнулся я. — У нас всё серьёзно.

— Мы и не сомневаемся, — Серёга спрятал зубочистку в карман. — Но ты подумал, что дальше? Ты через неделю уезжаешь в часть. Она в городе остаётся. Как вы будете?

Я помрачнел. Это был больной вопрос. Я не хотел думать о расставании, но Серёга был прав. Я должен был что-то решить. И решение, которое вертелось в голове, было одновременно пугающим и правильным.

— Я хочу сделать ей предложение, — сказал я твёрдо.

Димыч чуть не поперхнулся чаем. Серёга приподнял бровь.

— С ума сошёл? — переспросил Димыч, когда откашлялся. — Вы знакомы-то всего ничего. Ладно, в школе учились, но с тех пор столько лет прошло.

— А мне по фиг, — я отрезал. — Я знаю, что хочу. Она — моя. Я не хочу терять её снова. Я уже один раз упустил шанс в школе, больше не повторю ошибку.

Друзья переглянулись. Димыч хотел что-то сказать, но Серёга его перебил:

— Ну, если ты решил, мы за тебя. Только как ты собрался её просить? В деревне нет ресторанов, нет цветочных магазинов. И кольцо у тебя с собой?

Я смутился. О кольце я действительно не подумал. В голове крутились только её глаза и её улыбка. Но в тот момент я понял: мне нужно действовать. Или я смогу найти кольцо в ближайшем городе, или... или что-то другое.

— Надо что-то придумать, — сказал я задумчиво. — Может, съездить в город.

— А чего ездить? — раздался голос деда Тимофея, который незаметно подошёл к нам. Он стоял с лейкой в руках и хитро улыбался. — Я слышу, ты Верку сватать собрался. Так это дело хорошее. И я тебе помогу.

Я обернулся к деду.

— Дед, ты что, подслушивал?

— А чего подслушивать? — он пожал плечами. — Ты

орёшь на весь двор. Я на огороде слышал. И знаешь, есть у меня один способ старый, дедовский. Он никогда не подводил.

Я насторожился. Дед Тимофей любил придумывать странные планы. Помню, как в детстве он уговаривал меня ловить рыбу с помощью самодельной удочки, которая разваливалась при первом же забросе. Но сейчас он выглядел серьёзным.

— Какой способ? — спросил я с подозрением.

Дед подошёл поближе и понизил голос:

— Кольцо в пирожок положить. И подать Верке за обедом. Когда она надкусит — найдёт. И сразу поймёт, что ты её просишь.

Я уставился на деда, не веря своим ушам.

— Ты серьёзно? — переспросил я. — Кольцо в пирожок? Она же зуб сломает! Или, что ещё хуже, проглотит!

— Да что ты, — отмахнулся дед. — Я бабке твоей пирожок с кольцом поднёс, когда ей двадцать лет было. Она кольцо нашла и согласилась. И мы много лет в любви и согласии прожили.

Я вспомнил, что дед и покойная бабушка действительно прожили долгую жизнь. Но способ казался мне варварским.

— Дед, это не современно. Это... странно. Она может испугаться.

— Не испугается, — сказал дед уверенно. — Она девка умная, добрая. И она тебя любит, я вижу. У нас с Марфушей

тоже так было. Она стеснялась, но когда кольцо в пирожке нашла, расцвела. Я тебе говорю, это лучший способ.

Я посмотрел на Димыча и Серёгу. Они пожимали плечами, но улыбались. Я понимал, что дед не шутит. Он уже вбил себе в голову этот план, и спорить с ним было бесполезно.

— Дед, а может, просто купить кольцо и подарить, как все нормальные люди? — попытался я.

— Нет! — воскликнул он. — Это скучно. Это не романтично. А пирожок — это душевно. Это по-нашему. Пирожок с любовью. Я сам испеку.

Я сдался. Спорить с дедом, когда он в таком настроении, — всё равно что пытаться остановить поезд голыми руками.

— Ладно, — вздохнул я. — Но если она подавится, я тебе этого не прощу.

Дед только хитро подмигнул и ушёл в дом, что-то напевая. Димыч и Серёга переглянулись и расхохотались.

— Женька, ты попал, — сказал Димыч. — Теперь твой дед будет делать тебе предложение за тебя. А ты просто стой и улыбайся.

— Идиотская ситуация, — проворчал я, но внутри уже начинал прокручивать план. Может, это действительно работает? Может Вера будет тронута? И это будет искренне.

Но где взять кольцо? В деревне магазин ювелирных изделий отсутствовал. Пришлось звонить соседу, у которого был старый бабушкин перстень. Дед Тимофей, конечно же, уже всё организовал. Через час у меня в руках было простое се-

ребряное кольцо с маленьким камешком. Не дорогое, но со своей историей. А потом можно будет съездить вместе в ювелирный и купить то колечко, которое Вере понравится.

Я смотрел на кольцо и думал: «Вера, ты даже не представляешь, какой сюрприз я тебе готовлю». Но внутри меня нарастало сомнение. А что, если ей не понравится? Что, если она скажет «нет»? Я же не вынесу этого.

Вечером, когда солнце начало клониться к закату, я стоял у окна и смотрел на дом Веры. Она была там. Моя Вера. И я должен был сделать этот шаг.

Но в этот момент я услышал звон посуды на кухне. Дед Тимофей уже вовсю колдовал над тестом, напевая песню. Он был так уверен, что всё получится, что мне даже стало неловко. А вдруг он положит кольцо не в тот пирожок? А если я перепутаю и съем его сам?

Я улыбнулся, глядя на его суету. Может быть, это и есть то самое счастье — просто быть рядом с теми, кто тебя любит, и делать глупости, чтобы их порадовать.

— Что ж, — сказал я самому себе. — Завтра я сделаю предложение своей Вере, пусть она и не селёдка больше. И пусть это будет в пирожке.

Я усмехнулся. Как бы странно это ни было, я чувствовал, что всё будет хорошо. Потому что с Верой любой план казался правильным. Даже такой дурацкий.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.